

Ирина Градова

Рецепт ОТ ФРЕЙДА

КАБИНЕТНЫЙ
ДЕТЕКТИВ

Врачебные секреты

Ирина Градова
Рецепт от Фрейда

«ЭКСМО»

2014

Градова И.

Рецепт от Фрейда / И. Градова — «Эксмо», 2014 — (Врачебные секреты)

Судебный психиатр Любавин обращается к своей крестнице и коллеге психотерапевту Нелли Тарле со странной просьбой: устроиться на работу в психиатрический интернат под названием «Синяя Горка». Несколько лет назад Любавина привлекли к врачебному освидетельствованию человека, насмерть сбившего пешеходов. Профессор признал его вменяемым, после чего виновник аварии прошел повторное обследование в «Синей Горке» с противоположным результатом, избежав уголовной ответственности. Репутацию профессора Любавина вторично подвергли сомнению, когда свидетель по громкому уголовному делу также оказался в «Синей Горке» с психиатрическим диагнозом, а вскоре погиб в результате несчастного случая. Видно, что в интернате творятся странные дела, однако лишь проникнув туда, можно выяснить правду. И Нелли соглашается стать «засланным казачком»...

Содержание

ПРОЛОГ	5
* * * * *	7
Конец ознакомительного фрагмента.	40

Ирина Градова

Рецепт от Фрейда

ПРОЛОГ

Сентябрь, 2013 год

Почему Ольга это сделала? Все шло так хорошо, она начала оправляться, стала осознавать, что все ее несчастья, реальные и мнимые, происходят лишь из-за неправильного отношения к себе и окружающему миру. Она перестала считать себя никчемной, никому не нужной, сменила работу, и личная жизнь вроде бы налаживалась... Ну почему, почему?!

Вокруг места происшествия, несмотря на ранний час, собрался народ: всем охота поглазеть на труп. Сержант в форме, узнав, кто она такая, предложил Неле подняться в квартиру. Лифт стоял на одном из верхних этажей, и оттуда доносилась веселая болтовня: Неля поняла, что не дождется его, и взлетела по лестнице на восьмой этаж. Дверь оказалась приоткрыта.

– Вы кто?

Этот вопрос задал невысокий плотный мужчина в плохо сидящем пиджаке, надетом на застиранную водолазку. Он «принял» Нелю прямо в дверях, а за его спиной она увидела суетящихся людей.

– Меня попросили зайти...

– Родственница покойной? Знакомая?

Покойной. Напрасно она торопилась, напрасно гнала машину, рискуя попасть в аварию!

Сидя в чистой, сияющей белизной кухне, Неля рассказывала следователю все, что знала.

– Получается, вы были ее *психоаналитиком*? – уточнил капитан Гуров.

Слово «психиатрия» в среднестатистических умах обычно вызывает ассоциации исключительно со смиренной рубашкой, а уж «психоанализ», с его чуждыми российскому менталитету приемами, и вовсе кажется чем-то киношным, ненастоящим. Особенно, наверное, видится он таковым человеку вроде Гурова.

– Да, – кивнула Неля. – Ольга посещала меня раз в неделю, по пятницам.

Ее взгляд, вопреки собственному желанию, то и дело устремлялся к окну. Тело Ольги все еще там, на асфальте, стыдливо прикрытое простынкой, и от этого становилось не по себе.

– У Касаткиной была склонность к суициду?

Голос Гурова звучал буднично, даже скучно. Создавалось впечатление, что меньше всего на свете ему хочется сейчас находиться здесь и что с гораздо большим удовольствием он сидел бы на кухне с женой и детьми за завтраком, перед телевизором.

– Да, – кивнула Неля и тут же поняла, что своим ответом поставила под вопрос собственную компетентность как врача. Это тут же отразилось на круглом лице собеседника, а ведь он сразу отнесся к ней предвзято, едва услышав слово «психоаналитик». Поэтому она добавила: – Ольга страдала от тяжелой депрессии, и у нее было несколько суицидальных попыток, но она выздоравливала!

– Неужели? – следователь даже не пытался скрыть усмешку. – Что с ней было не так?

– Депрессия. Она чувствовала себя не на своем месте, – ответила Неля, стараясь формулировать фразы как можно четче, дабы они дошли до этого истукана. – Ольга работала в иностранной фирме, хорошо зарабатывала...

– И чего же ей не хватало? – вновь перебил Гуров: очевидно, он полагал, что Ольга просто с жиру бесилась.

– Вы, наверное, никогда не работали под давлением?

– Мы, доктор, всегда под давлением – то начальства, то общественности, то журналистской братии. Значит, говорите, депрессия у Касаткиной развилась на фоне карьеры?

– Не только. У нее и раньше случались срывы – она состояла на учете в психоневрологическом диспансере, но там считали, что она не нуждается в серьезном лечении или повторной госпитализации.

– Повторной?

– Ольга уже попадала на стационарное лечение, после первой попытки суицида. Она была очень одинока.

– Хорошо, – вздохнул следователь, – как вы ее *лечили*? Препаратами или...

– И препаратами, и «или», – теперь уже перебила Неля. – Терапия была комплексной, потому что одними сеансами психотерапии от затяжной депрессии излечить невозможно.

– Вам, конечно, лучше знать, – хмыкнул Гуров. – Но, выходит, ваш подход не сработал? В смысле, пациентка скакнула из окошка – классика жанра! Вот что мне покоя не дает: как вы то здесь оказались, Нелли Аркадьевна, – часто навещаете пациентов на дому?

Ну, вот они и подошли к самому главному!

– Понимаете, Ольга прислала мне сообщение.

– Когда?

– Сегодня утром. Я увидела его гораздо позже, когда получила возможность проверить мобильный.

– Покажите! – потребовал следователь, и Неля покорно протянула ему телефон. Прочитав, он вернул аппарат со словами: – Ну, все предельно ясно: типа предсмертная записка. Есть идеи, почему это произошло?

– Нет, – покачала головой Неля. Она чувствовала себя измотанной и страшно виноватой. Как могла она быть настолько слепой, чтобы не разглядеть симптомов? Ей казалось, Ольга выздоравливает, а она, оказывается, вынашивала планы самоубийства!

– Знаете, доктор, – поднимаясь, сказал следователь, – я никогда не верил в ваши методы. Этот психоанализ, вся эта ваша дребедень гроша ломаного не стоит!

Впервые в жизни Неля была склонна с этим согласиться. Все, во что она верила, рассыпалось в прах, и она знала, что ей вряд ли удастся собрать осколки разбитого самоуважения.

Не обращая внимания на снующих по аллеям людей в больничных робах, мужчина медленно брел в сторону оранжереи. Он поглубже втянул шею в плечи, пытаясь таким образом избежать ненужного внимания со стороны других людей в белых халатах. Впрочем, беспокоился он зря: в этот послеобеденный час они, скорее всего, мирно выпивают себе в комнате отдыха, ничуть не заботясь о вверенных им пациентах. Огромная оранжерея столетней постройки, почти разрушенная в шестидесятые и вновь возрожденная, возвышалась в конце дубовой аллеи, словно древнеегипетская пирамида.

Большой лохматый пес выскочил на дорожку в нескольких шагах впереди. Сначала мужчина притормозил, решив, что это волк, но быстро осознал ошибку: на территории сновали тучи бродячих собак, и обычно они никого не трогали. Народ с кухни подкармливал животных, и год от года их становилось все больше – видимо, работало «собачье радио», и счастливицы, вкушившие местных деликатесов, созывали сородичей с близлежащих свалок. Внимание мужчины привлек странный предмет, зажатый у пса в зубах. Пес постоял некоторое время, озираясь по сторонам, потом затрусил дальше. Но тут следом за ним из-за деревьев вынырнуло еще двое – небольшая коренастая собачка с длинным, неуклюжим телом и другая, похожая на помесь добермана с обладательницей гораздо менее благородных кровей. Обе грозно зарычали, упершись передними лапами в землю, и первый пес понял, что может лишиться своего трофея. Мелкий провокатор, подскочив к обладателю приза, ловко куснул его за зад и отпрыгнул. Челюсти громко щелкнули в каком-нибудь сантиметре от его и так, судя по всему, не раз пострадавшего в драках уха. Тогда его товарищ, не дожидаясь, пока атакуемый придет в себя, тоже ринулся вперед, и началась заваруха. Псы катались по дорожке неразрывным клубком, так что невозможно было определить, где чья морда и ноги, взметая тучи пыли и гравия. Затем они свалились в выкопанный по бокам аллеи неглубокий ров и там продолжили потасовку. Ни один из дерущихся не желал сдаваться, и все трое, похоже, давно позабыли о причине схватки, со вкусом отдаваясь на волю адреналина. Наконец большому псу удалось улучшить момент, и он, вскочив на все четыре лапы, рванул в сторону, противоположную той, откуда появился. Двое других с оглушительным лаем кинулись за ним.

Широко раскрыв глаза, мужчина смотрел на брошенную собаками добычу. Это было что-то длинное, белое, подозрительно знакомое. Четыре пальца, растопыренных на плоской кости того, что когда-то было человеческой ладонью, не оставляли места для сомнений.

Ноябрь, 2013 год

Выйдя из машины, Любавин осмотрелся. Ничего не изменилось с тех пор, как умер Аркадий: все тот же дощатый забор, за которым стоял старый дом, нуждавшийся в покраске. Интересно, изменила ли Неля что-нибудь внутри?

Он специально не стал предупреждать девушку о визите, подозревая, что она просто-напросто откажется разговаривать. А беседа предстояла нешуточная, и Любавин не мог обратиться со своей просьбой ни к кому другому.

– Дядя Илья?!

Открывая дверь Неля выглядела обрадованной, но в следующую секунду на ее лице появилось подозрительное выражение. Даже оно ее не портило. Любавин знал, что Неле исполнилось тридцать четыре, но выглядела она моложе. Кожа персикового оттенка, который встречается только у брюнеток, выющиеся короткие волосы, пухлые губы и большие темно-карие глаза сделали бы честь любой актрисе или фотомодели, особенно если ко всему этому приложить руку профессионального стилиста. Сама же Неля, отлично сознавая, что выглядит привлекательно, не слишком пеклась о собственной внешности. Она не забывала заглядывать раз

в месяц в парикмахерскую и ухаживать за лицом, но одевалась просто, почти не красилась и не имела привычки подолгу торчать перед зеркалом. Гораздо больше собственной красоты ее занимала психиатрия. Во всяком случае, так было до того злополучного происшествия, которое заставило ее все бросить и уехать в деревню, в старый отцовский дом с удобствами на улице.

– Вы по делу или навестить? – спросила Неля, испытующе глядя на незваного гостя.

– И то, и другое, – крикнул Любавин. – Пропала, понимаешь, никому ничего не сказавши, уединилась... И ради чего?

– Решила сменить обстановку!.. – подкинула идею Неля.

– Ага, – кивнул Любавин, входя в дом, – и бросить работу, диссертацию!

– Я давно решила, что не стану ее заканчивать, – пробормотала Неля, семена за гостем.

– Ты моя крестница, и мне небезразлична твоя судьба! – через плечо бросил Любавин, словно не слыша ее слов.

– Вас мама прислала?

В гостиной, как и в прихожей, ничего не изменилось. Все та же тяжелая дубовая мебель, которую дед Нели, списавшись с флота, притащил с корабля. Корабль списали вместе с содержимым, и офицерскому составу было разрешено забрать с собой все, что они посчитают нужным. Самые дорогие предметы, к примеру, позолоченные чернильные приборы и посуда тончайшего фарфора, осели у капитана и его помощника, но корабельному врачу тоже кое-что перепало. Дед прихватил мебель – не самое ценное, но все-таки антиквариат: прямоугольный стол с русалочьими головами (видать, делали специально для судна), диван и бюро. Последние поставили в тесный кабинет, а вот стол туда не поместился и потому отправился в гостиную. При виде этого стола, да и вообще всей комнаты, освещенной приглушенным светом лампы, покрытой абажуром бордового цвета, Любавин ощутил болезненный укол ностальгии, будто кто-то вонзил ему в солнечное сплетение вязальную спицу. В этой самой гостиной они с покойным хозяином вели неспешные беседы и курили ароматный табак, забиваемый в трубки привычными движениями. Теперь Аркадия нет, а запах его все еще витает здесь, незримо напоминая о том, что когда-то жил такой человек. Может, он все еще здесь? Говорят же, что души, не желая покидать любимое место, иногда «зависают» там навсегда. То, что Аркадий любил свой старый деревенский дом, сомнению не подлежит... Господи, о чем он только думает?! Он, врач – человек, по определению несуетерный! И все же в этот момент Любавину хотелось, чтобы его неверие в потусторонние силы поколебалось.

– Чай будете? – спросила Неля.

– Обязательно. Разговор предстоит серьезный!

Любавин слышал, как Неля возится на кухне, стуча посудой. Через несколько минут девушка вошла с деревянным подносом, на котором стояли чашки, сахарница и блюдечко с печеньем. Пока она расставляла все это на столе, Любавин наблюдал за ее плавными, неторопливыми движениями. Как же она похожа на Аркадия, просто удивительно! Он был таким же высоким, стройным, темноволосым, с четкими чертами лица, которые не сгладились даже с возрастом. И двигалась Неля так же, как он, словно некуда ей было торопиться, словно в мире в данную минуту не существовало ничего важнее сервировки стола. Чем она занималась эти два месяца, проведенные вдали от города?

– Как ты тут? – спросил Любавин, беря в руки чашку.

– Хорошо, – пожала плечами Неля. – Здесь отличный воздух, никакого шума.

– Почему ты ушла? – задал он наконец вопрос, который его интересовал. – Что, собственно, произошло?

– Вы знаете, что произошло, дядя Илья, – тихо ответила Неля. – Погибла пациентка. Значит, я – несостоятельный врач.

– Глупости! Думаешь, ты одна потеряла пациента? Что же тогда хирургам говорить? А онкологам?!

– Это другое, – отмахнулась Неля. – Когда пациент умирает, они, по крайней мере, знают, что сделали все возможное. А я не увидела того, что обязательно заметил бы любой профессионал! Я думала, что наметился прогресс, считала себя гением от психиатрии... А она взяла и скакнула из окна, моя *выздоравливающая*!

– Для того и существуют такие ситуации, чтобы мы не зарывались, – вздохнул Любавин. – Мы не боги, а всего лишь ремесленники, но некоторые из нас несут в себе искру божью. Я всегда полагал, что ты из их числа.

– Напрасно полагали, – огрызнулась Неля, и Любавину показалось, что в ее темных глазах блеснули злые слезы.

– Так ты, значит, сюда плакать приехала? – уточнил он, подавляя в себе желание обнять девушку, успокоить, сказать, что все пройдет и боль со временем утихнет. Нет, с Нелей надо действовать по-другому. Необходимо бросить ей вызов, только тогда она, возможно, выберется из болота отчаяния, в которое сама себя затянула. – Будешь, значит, жалеть себя и ненавидеть весь мир? Может, еще и запьешь? Знаешь, женский алкоголизм неизлечим!

– Дядя Илья!

– Ну ладно, ладно, я не за тем приехал, чтобы ругаться, да и не за тем, чтобы слезы вытирать: ты уже давно взрослая девочка, да еще и доктор. Помнишь изречение: «*Medice, cura te ipsum!*»

– «Врач, исцели себя сам»? А я что делаю? Вот, сижу здесь, лечу свою больную совесть и раненое самолюбие.

– Предлагаю другую терапию. «Клин клином» называется.

– Хотите, чтобы я вернулась на работу? Забудьте, дядя Илья: я передала своих пациентов коллегам!

– Это дело поправимое. Только у меня предложение иного рода. Как ты смотришь на то, чтобы поработать в психлечебнице? В *настоящей* больнице?

– Дядя Илья, я же три года проработала в «Скворцова-Степанова», помните?

– Ну да, на заре, как говорится, туманной юности! Считаешь, этого достаточно? Я ни в коем случае не подвергаю сомнению твою квалификацию, – ты и сама отлично справляешься, – но тебе не кажется, что психиатр должен помогать всем, а не только пациентам с деньгами? От тяжелых случаев отказываться грех.

– Я не отказывалась – и вот результат! – сквозь зубы процедила Неля.

– Ты будешь не одна, коллеги вокруг, ответственности меньше, а работы больше. Ты ведь не боишься?

– Боюсь! Я боюсь, что кто-то может пострадать из-за моей некомпетентности!

– Всего одна трудность (не забывай, что ты еще молода – и как врач, и как человек, и то ли еще будет!), и ты готова сдать? Все, ради чего ты училась и набиралась опыта, пойдет псу под хвост из-за единственной ошибки?!

– Женщина умерла, дядя Илья, – едва слышно пробормотала Неля. – Этого не исправить!

– Во-первых, никто не доказал, что ты ошиблась.

– Я являлась ее лечащим врачом и должна была заметить, что с ней что-то не так! Но все шло хорошо, у нее появился мужчина...

– Мужчина?

– Ну да.

– Что за мужчина?

– Понятия не имею. Она боялась сглазить, поэтому избегала делиться впечатлениями. А почему вы спрашиваете?

– Понимаешь, со мной связался следователь по делу Ольги Касаткиной.

- С вами? Почему не со мной?
- Ну, ты же телефон отключила, ни с кем общаться не желаешь.
- Да ладно, дядя Илья: почему же тогда он с мамой не поговорил? Я так поняла, что этот... Гуров, кажется, пытался поскорее закрыть дело – с чего бы ему рваться со мной поговорить спустя два месяца?
- Видишь ли, детка, Гуров больше не ведет это дело. И оно не закрыто.
- Seriously?
- Фамилия нового следователя... погоди-ка, – и Любавин полез во внутренний карман пиджака, достал блокнот. – Вот, зовут его Иван Арнольдович Паратов.
- Надо же, *Арнольдович*... Да еще и Паратов!¹ И что этому Паратову от меня надо?
- Он просил тебя связаться с ним, а меня в подробности не посвящал. Вот его телефоны – тут и домашний, и рабочий, и мобильный.
- Значит, дело серьезное?
- Похоже на то.
- Думаете, меня могут привлечь за халатность?
- Ну какая халатность, что ты мелешь! – всплеснул руками Любавин. – Какие к тебе могут быть претензии? Нет, мне кажется, новый следак хочет для очистки совести побеседовать с тобой как с лечащим врачом покойной.
- А старый-то куда подевался? – все еще недоумевала Неля.
- Ой, да не бери в голову – тут дел-то на чашку чая! Скажи лучше, принимаешь мое предложение?
- Какое предложение?
- В больничке поработать.
- Дядя Илья, вы в своем репертуаре! Живу я себе, никого не трогаю, и тут появляетесь вы, как тайфун, и нарушаете мой покой, заставляете напрягать мозги, а это для меня сейчас – задача непосильная. Какая работа, какая больница – вы вообще слышали, о чем я вам толковала?!
- Отлично слышал, и уяснил, что ты сама не понимаешь, чего хочешь. Послушай старого мудрого мозгоправа: тебе не прятаться нужно от своей больной совести, а как можно скорее вернуться в дело.
- Неля надолго замолчала, перебирая в длинных пальцах салфетку с кистями. Затем, подняв на гостя глаза, она задала вопрос:
- Дядя Илья, а какой ваш во всем этом интерес?
- То есть быть твоим крестным недостаточно, чтобы иметь право вмешаться, когда ты губишь свою жизнь и карьеру?
- Да ладно, дядя Илья! – улыбнулась Неля. – Я хорошо вас знаю. Это связано с вашей работой судебного психиатра?
- Я попрошу Паратова, чтобы он взял тебя к себе в отдел, – пробормотал Любавин.
- Так я права?
- Частично. Есть одна клиника, «Синяя Горка» называется.
- Это где такая?
- Ты будешь смеяться – недалеко от *Красных Гор*!
- Оригинально.
- И не говори. А почему синяя-то?
- Без понятия. Так вот, в этой самой больничке чудные дела творятся, но, на первый взгляд, подкопаться не к чему.
- Что за чудеса?

¹ Паратов – фамилия одного из главных героев пьесы Островского «Бесприданница».

Любавин видел, что Неля заинтересовалась, и посчитал это хорошим знаком.

– Понимаешь, свидетель умер, неожиданно загремев в вышеозначенное заведение.

– Так это дело прокуратуры, разве нет? Криминалом пахнет!

– В том-то и дело. И то был не первый раз, когда я столкнулся с «Синей Горкой». Как минимум имел место еще один серьезный инцидент. Может, помнишь громкое дело, когда некий гражданин Саркисян сбил на переходе четверых?

– Еще бы! – воскликнула Неля. – Тогда народ даже на пикеты выходил из страха, что ему все с рук сойдет.

– И ведь сошло же!

– Да вы что?!

– Саркисян стал косить под душевнобольного. Ему назначили психолого-психиатрическую экспертизу, и меня пригласили экспертом. С первого взгляда можно было утверждать, что мужик никакой не псих, но кто-то, видать, подсказал ему, как себя вести. Однако для полноценной симуляции психического заболевания необходима одна из двух вещей – либо некомпетентный психиатр, либо невероятно умный и начитанный преступник.

– Первое сразу отмечаем!

– Ну вот. И Саркисян вовсе не семи пядей во лбу – он и по-русски-то с трудом изъяснялся.

– Значит, вы определили, что он здоров?

– Абсолютно. Но адвокат Саркисяна оспорил мое заключение, обвинил в предвзятости и заставил суд отправить своего подзащитного на «полноценное» обследование в «Синюю Горку». Их заключение оказалось противоположным моему, и Саркисяна приговорили к принудительному лечению.

– С каким диагнозом?

– Множественное диссоциативное расстройство, можешь себе представить?!

Неля тихонько присвистнула.

– Ну, в вашей «Горке», похоже, *артистические* натуры заправляют! – пробормотала она.

– Не помогли ни многочисленные апелляции прокурора и адвокатов родственников потерпевших, ни письма во все возможные инстанции: приговор оставили без изменения. А потом я случайно выяснил, что гражданин Саркисян, «пройдя успешный курс лечения», отбыл на родину, в солнечный Ереван!

– То есть он типа «вылечился»? И никакого наказания не понес?

– Не сомневаюсь, что за свое пребывание в «Горке» Саркисян хорошо заплатил, и это вряд ли можно назвать наказанием – скорее, курортом, где он переждал, пока страсти улягутся!

– А первый пациент, о котором вы говорили, – от чего он умер?

– Утонул.

– Несчастный случай?

– Или самоубийство.

– Но, дядя Илья, вам не кажется, что это притянута за уши? В смысле, люди, попадающие в психиатрическую лечебницу, вполне могут неожиданно свести счеты с жизнью...

– И что же ты тогда из-за Ольги своей так переживаешь?

– Это другое...

– Ничего подобного! Но дело даже не в этом. Как я уже упоминал, парень проходил по серьезному делу в качестве ключевого свидетеля. Девятнадцатилетний парнишка не страдал психическими отклонениями, но однажды, совершенно внезапно, напал на соседку по лестничной площадке с топором, после чего оказался в «Синей Горке». Где и утоп буквально через несколько дней!

– Да, – пробормотала Неля, потирая подбородок, – странно!

– А я о чем?

- Вы поделились своими соображениями с коллегами из следственного комитета?
- Даже ты, человек со стороны, считаешь, что я нагнетаю обстановку!
- Я вовсе так не считаю, но ведь у вас нет доказательств!
- Для того-то ты мне и нужна. Мне необходим, так сказать, посланный казачок, человек, который проверит бы работу «Синей Горки» изнутри и опроверг либо подтвердил мои подозрения.
- Допустим, я соглашусь: откуда вы знаете, что в клинике есть вакансия?
- Если б не знал, не приехал бы. Вакансия имеется, и ее надо поскорее занять, пока это не сделал кто-то другой.
- Нет, дядя Илья, это совершенно невозможно! – воскликнула Неля, нервно расхаживая по комнате. – Я в отпуске. Да я вообще не собираюсь работать в ближайшие несколько месяцев: хочу отдохнуть, может, за границу съезжу, на море...
- Ну, на море так на море, – крикнул Любавин, поднимаясь. – Ты, главное, к следуку не забудь заскочить: плохо будет, если он сам нагрянет.

* * *

Выше среднего роста, худощавый мужчина в джинсах и вязаном пуловере, Паратов выглядел *нормальным* человеком. Выющиеся темные волосы – длиннее, чем положено работникам данной профессии, – высокие скулы и умные глаза. Сначала Неле показалось, что они черные, но при ближайшем рассмотрении оказалось, что они темно-голубые, практически синие.

– Я рад, что вы зашли, – сказал следователь, внимательно ее рассматривая. Казалось, он пытается сопоставить образ, созданный в его мозгу до этой встречи, и Нелю в реальности. Интересно, совпало или нет?

– Разве у меня был выбор? – она вопросительно вздернула бровь.

Брови она не выщипывает, неожиданно пришло в голову Паратову. Этот факт почему-то ему понравился, как и весь облик посетительницы – натуральный, без вывертов. Очень высокая, удивительно стройная девушка, по-спортивному подтянутая. Ее лицо с гладкой кожей и темными глазами невольно располагало к себе – наверное, таким и полагается быть хорошему психиатру? Пациенты должны мгновенно проникаться доверием к человеку с таким лицом. И взгляд ее был открытым, устремленным прямо на собеседника, словно ей абсолютно нечего скрывать.

– Разумеется, – ответил он, с трудом отвлекаясь от ее полных ненакрашенных губ. – Ведь вы не подозреваемая.

– Пока?

– Что – пока? – переспросил он.

– В смысле, я *пока* не подозреваемая, но все может измениться, – пояснила она. – Кстати, куда делся Гуров?

– Понятия не имею.

Неле показалось, что вопрос следователю неприятен.

– Так о чем вы хотели со мной поговорить? – спросила она, заметив, что Паратов не намерен разговаривать о коллеге. – Насколько я понимаю, речь пойдет о самоубийстве Ольги Касаткиной?

– Верно. – Следователь уселся на краешек стола. – Скажите, Нелли Аркадьевна, какое впечатление у вас создалось о Касаткиной?

– Вы имеете в виду, была ли она склонна к самоубийству?

Он кивнул.

– У человека, находящегося в состоянии затяжной депрессии, сознание постепенно изменяется, но на то я и врач, чтобы понять, насколько сильно. Мне *не казалось*, что Ольга может покончить с собой.

– Как долго продолжалась ваша э-э... терапия?

– Больше года.

– Серьезный срок!

– Нормальный, принимая во внимание диагноз.

– И Касаткина, по вашему заключению, шла на поправку?

– Да.

– И в чем это выражалось?

– Послушайте... Иван Арнольдович, – припомнила она необычное сочетание имени и отчества, – вы же все и так знаете! Дело читали, мои показания там есть.

– Я хочу услышать все от вас, лично. По прошествии некоторого времени события частенько видятся по-другому.

Интересная ремарка, подумала Неля.

– Ну, хорошо. Ольга перестала рефлексировать над каждым своим действием, перестала без конца беспокоиться, что о ней подумают другие, что скажут...

– А раньше, значит, рефлексировала?

– Вы знаете, что, когда Ольга впервые пришла ко мне, она весила девяносто семь килограммов?

– Правда?

– Такой вес для Ольги был несвойствен – она набрала лишних тридцать кило всего за два года, из-за стресса, вызванного работой, и постоянного беспокойства по поводу неустроенной личной жизни.

– Знаете, – сказал Паратов задумчиво, – я видел фотографии Касаткиной: она вовсе не показалось мне толстой.

– Она сбросила двадцать пять кило за время наших сеансов.

– Ого! – присвистнул следователь. – Какая-то особая диета?

– В диетах я ничего не понимаю, – пожала плечами Неля. – Ее проблема была исключительно в голове. Как только Ольга, с моей помощью, разобралась в том, что ее на самом деле беспокоит, она стала стремительно возвращаться к своему привычному весу. А это, в свою очередь, способствовало повышению ее самооценки. Ну и, разумеется, тот факт, что в ее жизни появился мужчина, также заставил Ольгу иначе взглянуть на себя.

– И потому она бросила престижную работу и стала заниматься устройством праздничных мероприятий?

– Ольга всегда испытывала тягу к искусству. В школе она занималась в драмкружке, и только противодействие родителей заставило ее вместо театрального института поступить в финэк. Тоска по тому, что так и не удалось реализовать, сидела у нее глубоко в мозгу, заставляя ощущать постоянный дискомфорт, несмотря на успехи в карьере.

– Расскажите мне о мужчине, с которым встречалась Касаткина.

– Да я ничего о нем не знаю! – развела руками Неля.

– Никогда не видели?

– Ни разу!

– Но разве Ольга...

– Она предпочитала о нем не распространяться. Говорила, что отношения только начинаются и что потом она обязательно... А почему это важно? Вы думаете, у них что-то разладилось, и поэтому Ольга... – внезапно она осеклась, поймав во взгляде Паратова какое-то неуловимое выражение. – Погодите, мы ведь все еще говорим о самоубийстве?

– Вполне возможно, что нет, – ответил он, и его слова гулко отдались в ее голове, как будто там, внутри, внезапно ударила корабельная рында.

– Но предыдущий следователь... – начала Неля, однако Паратов, болезненно поморщившись, словно от зубной боли, перебил:

– Давайте не будем поминать моего предшественника всуе, договорились? Забудьте о том, что было два месяца назад: теперь все иначе!

– А! – внезапно прозревая, воскликнула Неля. – Не связана ли замена следователя с отцом Ольги?

– С ее отцом? – переспросил Паратов. – Вы о чем?

Неля внимательно вгляделась в его лицо: похоже, он и в самом деле не в курсе.

– Отец Ольги, насколько мне известно, работает в ФСБ – кажется, какая-то большая шишка.

Паратов взъерошил волосы и зачем-то поглядел в окно.

– Ну, – пробормотал он, – я что-то такое подозревал... Дело обычное.

Теперь картинка сложилась. Значит, Гурова, который принял версию о самоубийстве Ольги как единственную, отстранили и заменили на Паратова, которому дали понять, что он должен рассмотреть и другую возможность. Вероятно, Паратова посчитали более добросовестным или более профессиональным. Вряд ли он играл, когда Неля сообщила ему об отце пациентки: скорее всего, ему не сочли нужным сообщить детали, но кто-то пристально следит за происходящим из высокого кабинета. Неожиданно Неля испытала сочувствие к следователю: он оказался пешкой в чужой шахматной комбинации, а это, несомненно, неприятное открытие.

– А что заставляет вас думать об убийстве? – поинтересовалась Неля. – Или это – тайна следствия?

– Ну почему же тайна? – усмехнулся он. – Вы не против, если я закурю? Я окно открою.

– А мне можно?

Паратов протянул Неле пачку, и она аккуратно выудила оттуда сигарету. Отец курил с двенадцати лет. На кухне, где он любил работать в городской квартире, и в его кабинете на даче обычно висела дымовая завеса. Эта привычка отца не нравилась ни Неле, ни ее матери, однако теперь обе скучали по запаху табака, которым он набивал трубку. Нелю нельзя было назвать заядлой курильщицей, но в минуты стресса она порой баловалась сигареткой-другой, хотя не считала себя зависимой от никотина.

Следователь заученным жестом выбил из пачки сигарету для себя, сунул ее в уголок рта и поджег зажигалкой кончики своей и Нелиной. Потом он встал у окна, распахнув его так, чтобы дым выходил наружу, в промозглый ноябрьский вечер.

– Во-первых, – начал он, сделав две глубокие затяжки, – материалы вскрытия Касаткиной наводят на определенные мысли: далеко не всегда патологоанатомы и судмедэксперты так досконально знают свое дело! Они установили, что в ее желудке содержалась лошадиная доза успокоительных средств.

– Разве это удивительно? – вставила Неля. – Я сама выписывала их ей.

– Удивительно не это, – ответил Паратов, глядя в окно, – а то, что, судя по скорости всасывания данных препаратов, к моменту падения Касаткина просто была не в состоянии влезть на подоконник. Вы видели окно в ее квартире?

– Да, – кивнула Неля. – Дом старый, дореволюционной постройки, и подоконники расположены очень высоко. Так вы поэтому решили?..

– Не только. Когда кто-то влезает на подоконник, он обязательно помогает себе руками, логично? Чтобы этого не делать, надо быть, по меньшей мере, человеком-пауком.

Неля слушала внимательно, ловя каждое слово.

– Так вот, Касаткина, судя по всему, мухой взлетела на подоконник: на раме ни единого отпечатка!

– И это означает?

– Вероятно, Ольга находилась без сознания, ее подняли и сбросили вниз – потому и отпечатки рук на раме отсутствуют. Но там нет и отпечатков предполагаемого убийцы.

– То есть он работал в перчатках, – медленно проговорила Неля, – или стер отпечатки по окончании... Конечно же, он не мог выборочно убрать только свои, поэтому избавился от всех?

– Вы правильно мыслите, доктор. Никогда не думали о работе в органах? Кажется, профессор Любавин – ваш родственник?

– Крестный. Они с папой дружили с института. Вы что-то еще обнаружили?

Неля не хотела говорить о Любавине. Он задал ей трудную задачу, и она до сих пор не решила, какой ответ ему дать. Вернее, еще полчаса назад она практически была уверена, что откажется.

– Я внимательно прочел отчет и заметил кое-какие несоответствия. Стол в комнате был красиво сервирован. На нем стояла ваза с фруктами, коробка дорогих шоколадных конфет и откупоренная бутылка шампанского.

– Тоже без отпечатков? – уточнила Неля.

– Без. Ни на чем, включая единственный бокал, отпечатков не обнаружили.

– То есть все выглядело так, словно Ольга праздновала собственную смерть?

– Ну да, – хмыкнул Паратов, выдувая дым из тонких ноздрей, – в одиночестве! Но я не поленился и посетил квартиру Касаткиной лично. Ее не продали, не сдали, хоть и прибрали хорошенько. Вы когда-нибудь видели, чтобы бокалы продавались нечетным числом?

– Да нет вроде: обычно по две штуки, по четыре или по шесть... Вы это к чему?

– В серванте стоит пять таких бокалов – один из них изъяли наши эксперты, а потом вернули родственникам.

– Получается, одного не хватает? Он мог разбиться еще до того, как...

– Или его забрал убийца.

– А почему не помыл и не поставил обратно?

– Может, времени не хватило? – предположил Паратов. – А может, решил, что так будет надежнее.

– Если я правильно понимаю, – поразмыслив, сказала Неля, – все это – косвенные доказательства?

– Точно. Но у меня еще есть вы, доктор.

– В смысле? – напряглась Неля. Не слишком ли она расслабилась, решив, что Паратов ее не подозревает? Может, он завел этот разговор в надежде, что она сболтнет нечто, что до этого скрывала? Кажется, это называется взять *клиента* в разработку?

– Как вы узнали, что Ольга намерена покончить с собой? – между тем задал вопрос следователь.

– Она прислала мне эсэмэску.

– Она часто это делала?

– Только когда опаздывала на прием.

– А как вы обычно поддерживали связь?

– Созванивались или она оставляла сообщение на автоответчике.

– А вам не кажется, Нелли Аркадьевна, что эсэмэска – это как-то мелко? Человек решается на серьезный шаг – самый, можно сказать, важный шаг в своей жизни, намеревается свести с нею счеты и – ограничивается кратким посланием на телефон лечащему врачу, даже не будучи уверенным, что онный его получит? По-вашему, это нормально?

Ненормально. В высшей степени странно – и почему ей самой не пришло в голову? Ольга часто названивала Неле, делилась своими переживаниями, спрашивала совета. Так почему же она, решив умереть, не попыталась поговорить?

– Как я смогу с вами связаться? – спросил Паратов, выписывая ей пропуск.

– По мобильному, вот номер.
– Вернетесь на дачу?
– Нет, – отрицательно мотнула она головой. – По правде говоря, я... перешла на новое место и теперь буду работать в больнице «Синяя Горка», – неожиданно для себя добавила Неля.

* * *

– Нелли Аркадьевна, пациент в третьей палате что-то разбушевался!

Голос медсестры вернул Нелю из воспоминаний. Она оторвалась от стекла, прижавшись к которому стояла, глядя на безрадостный пейзаж за окном. Там, среди голых деревьев и печально растопыривших тонкие ветки кустов, гуляли пациенты, которым позволялось выходить из здания. словно тени из царства мертвых, они медленно брели по посыпанным мелким гравием извилистым дорожкам.

– Иду, Анюта! – отозвалась она.

Как странно складывается порой жизнь. Ты и думать не думаешь о переменах, увязнув в повседневной рутине. Затем происходит нечто, заставляющее взглянуть на все иначе, и мир будто переворачивается! Неле и в голову не приходило, что она захочет сменить свое спокойное, сытое житие на что-то практически противоположное – и вот она здесь, в «Синей Горке», на зарплате чуть больше двадцати тысяч и с массой проблем, связанных с огромным количеством пациентов. Конечно, дивиденды, ежеквартально получаемые от различных издательств за многократно переиздаваемые труды отца, позволяли не бедствовать, однако, увидев договор с обозначенным в нем будущим заработком, Неля с ужасом поняла, что простым смертным пришлось бы довольствоваться только этими доходами. Разумеется, она не собиралась надолго тут задерживаться, а лишь до той поры, пока не сумеет подтвердить или опровергнуть подозрения дяди Ильи.

Однако, к собственному удивлению, работа Неле понравилась. Она и забыла, каково это – помогать не мятущимся домохозяйкам, недовольным собственным местом в жизни богатого мужа, не уставшим от денег бизнес-леди, не актрисам и второсортным певичкам, расставшимся с очередным возлюбленным и находящимся в «творческом» поиске следующего, а самым что ни на есть настоящим *больным*! Все, к чему готовили ее в университете, сейчас находилось прямо перед ней... Неля словно долгое время стояла у конвейера и вдруг получила шанс заняться творчеством. Работая в «Парацельсе», Неля привыкла ни в чем себе не отказывать, но ее занятие не приносило особой радости. Во время учебы ей мечталось о серьезных случаях, о том, как она добьется успехов в лечении самых безнадежных больных, напишет множество книг и ее именем назовут какой-нибудь синдром. Защитив кандидатскую и проработав несколько лет, Неля поняла, что такое будущее вряд ли ей грозит, и смирилась с настоящим. Во всяком случае, ей так казалось. Она еще не решила, что станет делать после того, как вернется в «большой мир». Может, обратно, в консультационный центр? Она думала, что коллеги, по крайней мере те, с кем она близко общалась, позвонят и поинтересуются ее житьем-бытьем. Никто и не подумал. Кроме Жени. Неля не ожидала, что именно он станет интересоваться ее судьбой! Во всяком случае, после того, что между ними произошло. Это она помогла Евгению устроиться в «Парацельс» два года назад, памятуя о дружбе в медицинском университете. Он здорово изменился, приобрел лоск, на который тогда не было и намека, и стал, как говорят, завидным женихом. Евгений, по его же собственным словам, пытался начать новую жизнь. Было ясно, что его переходу в «Парацельс» предшествовала череда неудач, но в наше тяжелое время такой расклад необычным не назовешь. В изменившемся приятеле Неля заметила нечто привлекательное, отсутствующее в годы юности, и закрутился роман. Но постепенно Неля стала тяготиться этими отношениями. Женя оказался слишком требовательным, а она

не ощущала себя готовой к серьезным переменам. Поначалу Женя дулся, перестал общаться, но постепенно конфликт себя исчерпал, хотя прежние теплые отношения так и не восстановились. И тем не менее именно Женя позвонил ей через некоторое время после ухода из «Парацельса», выражая надежду, что она передумает и вернется!

В просторном холле, где пациенты «Синей Горки» проводили послеобеденные часы, царил хаос. Большинство больных выстроились вдоль стен и жались друг к другу. Посреди помещения, среди поваленных столов и стульев, развернулась настоящая баталия. Дмитрий Шлыков, обычно спокойный и уравновешенный шизофреник с легкой степенью мании преследования и типом течения заболевания, в среде профессионалов обозначаемым как «эпизодическое со стабильным дефектом», словно Годзилла, крушил все, что еще оставалось на своих местах. Санитары куда-то запропастились, и оборону держал один-единственный Рома Протасевич (отнюдь не самый сильный и мощный из имеющихся в штате). Неля успела заметить, что у него рассечена бровь – видимо, Шлыков угодил ему в голову каким-то из предметов, в изобилии валявшихся на полу. Скорее всего, это была шахматная доска: один из ее углов окрасился в подозрительный бурый цвет.

– Где все?! – громким шепотом поинтересовалась Неля, склоняясь к уху до смерти напуганной медсестры Анюты.

– Понятия не имею! – пискнула та, бешено вращая серыми глазищами. – Как сквозь землю провалились – никогда никого не найти, когда надо! Что же делать-то?!

В этот момент Шлыков заметил, что на подоконнике за его спиной удачно расположились горшки с комнатными растениями. С быстротой, свойственной скорее юноше, нежели почтенному мужу пятидесяти четырех лет, Шлыков метнулся туда, ускользнув от пытавшегося его остановить, но споткнувшегося о ножку поваленного стула санитаря. Схватив сразу два горшка с гортензиями, он запустил одним в голову Ромы, а второй подбросил на ладони, словно горшок не был весомым керамическим изделием, а являлся бумажной поделкой, хищно оглядываясь вокруг. Рома молча осел на пол, и Неля сообразила, что они лишились единственного бастиона защиты. Теперь между нею и не на шутку разошедшимся Шлыковым находилась лишь кучка напуганных пациентов, и она решила, что необходимо действовать. Выйдя вперед, девушка двинулась к нарушителю спокойствия, выставив руки ладонями вверх – так он увидит, в каком бы возбужденном состоянии ни пребывал, что Неля не вооружена. Она могла взять табурет для защиты собственной головы, однако побоялась, что Шлыков воспримет это как акт агрессии.

– Дмитрий Сергеевич, – елеиным голосом начала Неля, медленно, мелкими шажками приближаясь к разъяренному больному, – успокойтесь, пожалуйста... Скажите, что случилось?

– Что случилось?! – громко возопил Шлыков. – Что?! Случилось?! Убийцы!!! Отравители!!!

– Помилуйте, Дмитрий Сергеевич, к чему такие слова? – округлила глаза Неля, продолжая продвигаться вперед. – Если вас что-то беспокоит, мы разберемся и решим...

– Да, вы уж порешаете! – хмыкнул пациент, угрожающе подкинув цветочный горшок под потолок и ловко его поймав. Неля проследила взглядом за опасным в руках пациента предметом, заметив, как сыпется на пол земля и опадают листья. – Вы порешаете – *порешите* тут всех, к чертовой матери!

Краем глаза Неля увидела, что за спиной Шлыкова маячит неподвижная фигура в кресле на колесах. Раньше она не видела этого больного. Он сидел лицом к окну, а значит, спиной к ней и Шлыкову. Пациент не реагировал на всеобщую суматоху – возможно, находился под действием сильнодействующих препаратов и не осознавал происходящего. Шлыков заметил, что Неля отвлеклась, и обернулся.

– Вот-вот! – кивнул он, злобно кривясь. – Вам по вкусу такие «овощи», да? Чтоб ни пикнуть, ни дернуться не могли, только жрали бы ваше пойло и тарасились бессмысленным взглядом!

Неля поняла, что несчастному пациенту угрожает реальная опасность. Вряд ли, конечно, Шлыков намеренно нанесет ему увечье, но в том состоянии, в каком он находился, ожидать можно чего угодно, а тот, у окна, не может убежать, скрывшись с «линии огня»!

– Вы же не причините ему вреда, Дмитрий Сергеевич? – мягко произнесла Неля, останавливаясь в десяти шагах от пациента. – Он безопасен...

– Это вы называете *безопасностью*?! – взревел Шлыков, отшвырнув горшок (слава богу, в стену, а не в Нелю) и одним рывком разворачивая на себя кресло на колесах. Голова сидящего в нем пациента безвольно дернулась и упала на грудь. Неля не видела лица – его закрывали спутанные длинные волосы пепельного цвета, пугающе мертвенно смотревшиеся на фоне горчичной робы.

– Безопасность – это скотское состояние?! – продолжал Шлыков, безумно хохоча. – Он только мычать может, а вам радость?! Но я вам не дамся, вы еще за мной побегаете!

И, катнув кресло к стене, он вскочил на низкий подоконник, разбил локтем стекло и взревел, словно раненый бык: решетки мешали выбраться наружу. И хорошо, подумала Неля, потому что все-таки они на четвертом этаже! Гораздо больше ее волновало то, что коляска с пациентом, наткнувшись на шахматную доску, перевернулась, и он, распластавшись на полу, неподвижно застыл рядом с телом Ромы, все еще не пришедшего в себя. Где, черт подери, все врачи и санитары?!

В этот момент Неля почувствовала, как кто-то пытается сунуть ей в руку нечто твердое и холодное. Это оказался шприц.

– Нелли Аркадьевна, я набрала тиопентала – доза слона свалит! – едва слышно прошептал знакомый Анютин голосок за спиной.

Ай, умничка, подумала Неля, обхватывая шприц непослушными пальцами. А она-то думала, что осталась с опасностью один на один! Значит, несмотря на страх, медсестра не потеряла головы?

– Дмитрий Сергеевич, – стараясь сдерживать дрожь в голосе, заговорила Неля, заставляя себя снова двинуться к пациенту, с ревом трясущему решетку, – давайте поговорим? Если хотите поменять терапию, мы можем обсудить...

Шлыков развернулся к ней. В уголках его рта собрались сгустки пены, и Неля поразились: никогда раньше этот человек не проявлял признаков агрессии.

– И ты – ты такая же, как все! – прохрипел он на пределе голосовых связок, срываясь на визг. – Не подходи, а то... – он поспешил подтвердить не до конца высказанную угрозу, сграбастав очередной горшок и замахнувшись на Нелю. Она поняла, что должна действовать немедленно: ей буквально виделась вена на ноге Шлыкова, куда следовало воткнуть иглу, ведь он так удачно стоял на подоконнике! Увернувшись от запущенного «снаряда», Неля метнулась к окну и выбросила вперед руку, молясь о том, чтобы ее длины оказалось достаточно. Молитва была услышана. Почувствовав боль, пациент затряс ногой, словно пытаясь стряхнуть ужалившее его злобное насекомое. Но Неля знала, что у Шлыкова есть максимум сорок секунд. Ему хватило тридцати: она едва успела подставить руки, чтобы спасти его от удара головой при падении. К счастью, Аня и один из пациентов подоспели на помощь, и втроем они стащили мгновенно ослабевшее тело на пол.

– Еще дозу? – спросила Аня, подняв на Нелю вопросительный взгляд. Она уже была почти спокойна, и Неля отметила про себя, что теперь знает, по крайней мере, одного человека, на которого может положиться в нештатной ситуации. Ну, двух, – она взглянула на распростертое тело санитар Ромы, героически державшего оборону в буквальном смысле слова до последнего.

– Не стоит, – ответила она медсестре, приподнимая отяжелевшие веки Шлыкова. – Он уже хорош! Что произошло? – спросила она у помогавшего им с Аней пациента.

– Да ничего, – пожал плечами тот. – Все сидели, играли, кто во что... Потом Сергеич... ну, Шлыков то есть, вдруг вскочил – и понеслось!

– Ясно, – пробормотала Неля.

– Ну, что, простынку, Нелли Аркадьевна? – предложила Анюта. Обертывание в мокрую простыню считается действенным способом обездвиживания буйных пациентов, хоть и не самым гуманным. Поэтому Неля покачала головой.

– Давай-ка лучше «пижамку» – пусть он спокойно поспит, а там уж лечащий врач разберется!

Медсестра кинулась в бельевую за смиренной рубашкой. Торопиться, в сущности, не было нужды: Шлыков уже никому не мог причинить вреда. Анюта притащила «пижаму». Вместе с Нелей они замотали Шлыкова, как древнеегипетскую мумию, и оставили лежать на полу – в конце концов, должны же когда-нибудь появиться остальные санитары и сделать свою чертову работу?!

Анюта опустила на корточки перед Ромой. Он почти пришел в себя и держался за голову. На его лице проступило виноватое выражение.

– Нелли Аркадьевна, я...

– Все в порядке, Рома, – устало улыбнулась она. – Ты сделал все, что мог, и я обязательно расскажу об этом начальству! Как и о том, что остальные санитары в это время занимались непонятно чем! Где они, кстати?

– Они, э-э-э... не знаю я, где они...

Очевидно, он лгал. Ладно, она с этим разберется. Но позже, потому что на полу оставался еще один человек, нуждавшийся в помощи.

– Рома, ты сможешь...

– Конечно, конечно, – пробормотал санитар, с трудом поднимаясь на ноги. Неля подошла к лежащему мужчине. Он находился все в том же положении. Видимо, Шлыков прав: больной не мог даже пошевелиться, не то что попросить о помощи. Тяжелая коляска придавила его к бетонному полу, прикрытому местами выцветшим ковром времен постройки больницы. Прорехи в ковре испокон века заделывались заплатами, огромными и неаккуратными: те, кто занимался «штопкой», вряд ли заботились об эстетике. Рома освободил ноги пациента от коляски, а Неля с Анютой перевернули его на спину, чтобы оценить полученные повреждения. При виде лица пострадавшего Неля невольно отшатнулась. В самом лице не было ничего отталкивающего, несмотря на неухоженные длинные волосы и густую светло-русую бороду. Ее напугали его глаза: болотного цвета, широко распахнутые и бессмысленные, устремленные куда-то за спину Нели.

– Как он? – опасно спросила Анюта.

Неля приложила ухо к груди мужчины.

– Вроде ничего, – ответила она неуверенно: сердцебиение было слабым, но ровным. – Жив, во всяком случае.

– Смотрите, какая у него ссадина на щеке! – медсестра мягким движением повернула к Неле пораненную сторону. – Наверное, о коляску поцарапался, когда падал.

– Это меньшее из зол, – вздохнула Неля. – Похоже, серьезных травм он не получил.

Анюта разогнулась и уставилась на нее. Во взгляде девушки было что-то, заставившее Нелю покраснеть.

– Ну, Неля Аркадьевна, вы даете – прям Бэтмен! Как вы кинулись на этого психа, точно змея... ой, простите!

– Ага, – подтвердил Рома, – настоящий спецназовец, ни дать ни взять!

– Обсудим это позже, ладно? – поморщилась Неля, хотя ей и было приятно восхищение Анюты и санитаря. – Давайте-ка поднимем пациента и посадим обратно в коляску. Она, надеюсь, не пострадала?

– Целехонька! – отозвался Роман, подхватывая парня под мышки, будто тот ничего не весил. Оно и понятно: на вид не старше тридцати, он выглядел худым и изможденным. Вместе они погрузили больного в коляску. Устраивая его руки на подлокотниках, Неля не могла не заметить, какие красивые и узкие у него кисти и какие длинные пальцы. Правда, ногти обкусаны до мяса, но общего впечатления это не портило. Случайно задрав свободный рукав больничной робы, Неля увидела длинный шрам, тянувшийся от кисти к локтю. Был и второй, поперек запястья, явно застарелый.

– Вены резал, – пробормотал Рома, пытаясь усадить пациента прямо, потому что тот постоянно заваливался на бок. – Профессионально: не поперек, как все, а вдоль, прямехонько по вене... Как он выжить-то умудрился?

Неле тоже было интересно. Однако сейчас самое главное – найти кого-нибудь из персонала клиники и развести пациентов по палатам: неизвестно, как на них подействовало то, что произошло на их глазах, и лучше немедленно изолировать их друг от друга.

* * *

– Ну, скажу я вам, Нелли Аркадьевна, вы оказались на высоте! – резким голосом объявил главврач, едва она прикрыла за собой дверь в его кабинет. – Кот из дому, мыши в пляс... Да вы присаживайтесь, присаживайтесь – в ногах правды нет! – Главный указал на стул напротив своего кресла с высокой спинкой. Оно походило на трон. Впечатление усиливала филигранная резьба, да еще то, что за креслом, на стене, висела огромная картина, на которой в печальной позе сидел человек в белых одеждах. Лицо его выражало безысходность.

– Делакруа, – пояснил Ракитин, проследив за ее взглядом. – Копия, разумеется, но приличная. Знаете, кто это?

– Делакруа? – уточнила Неля. – Французский художник.

– Да нет, кто на картине изображен?

– Нет, – призналась Неля: она плохо разбиралась в изобразительном искусстве.

– Торквато Тассо, – сказал главный и, видя, что имя не произвело на девушку впечатления, добавил: – Итальянский поэт шестнадцатого века, автор поэмы «Освобожденный Иерусалим». Почти восемь лет он находился на лечении в больнице Святой Анны для умалишенных. Считают, что он страдал параноидной шизофренией.

Теперь, по крайней мере, Неля поняла, почему именно эта картина висит в кабинете главного врача психиатрической больницы.

– Он страдал болезненной подозрительностью, переходящей в навязчивые страхи, – добавил Ракитин, задумчиво глядя на портрет. – Все разрешилось в один прекрасный день приступом безумия – Тассо напал с ножом на слугу. Его поймали и отправили в лечебницу, где его как буйнопомешанного посадили на цепь.

– Какой ужас! – пробормотала Неля, представив себе, какую тоску испытывал человек, прикованный к стене, словно дикий зверь. В университете история Тассо не упоминалась, но она знала нескольких знаменитостей Средневековья и эпохи Возрождения, которых погубили стены подобных заведений, где все «лечение» заключалось в изоляции и лишении возможности двигаться.

За недолгое время пребывания в «Горке» Неля получила возможность оценить, что лечебница выгодно отличалась от многих подобных заведений. В большинстве российских психиатрических стационаров сохраняется установка на максимальное ограничение самостоятельной активности пациентов, что приводит к режиму «закрытых дверей». Наружные двери отделений и кабинетов закрываются, и пациенты зачастую не имеют возможности пройти никуда, кроме туалета. Режим «открытых дверей» существует лишь в некоторых санаторных отделениях. В большинстве стационаров сохранились решетки на окнах, преобладают палаты

на двенадцать и более человек, с отсутствием дверей и невозможностью уединиться. В психоневрологическом диспансере, где после университета работала Неля, количество койко-мест в палатах достигало пятидесяти! Во многих соответствующих учреждениях существуют жесткие ограничения, касающиеся посещения больных. Иногда разрешены встречи только с родственниками, но не с друзьями, адвокатами и другими людьми, а администрация не принимает от них ни жалоб, ни заявлений. То есть психоневрологический диспансер мало чем отличается от режимных заведений вроде тюрьмы. Ракитин гордился своими нововведениями, которые он называл «системой Тьюка». Из университетского курса Неля помнила о шотландском психиатре девятнадцатого века, который и ввел систему «открытых дверей». В «Горке», за исключением «буйного» корпуса, пациенты имели возможность свободно выходить на территорию, принадлежащую лечебнице. Палаты, кроме наблюдательных, предназначенных для пациентов с суицидальными наклонностями, не запирались, и в них размещалось от четырех до шести человек (помещения больницы вполне позволяли такую роскошь). Для пациентов, стремящихся к уединению, или «платников» имелись одно- или двухместные палаты. Столовая была неплохо оборудована, а в комнате отдыха, помимо мягкой мебели, стоял огромный старый рояль. Только персонал, пожалуй, ничем не отличался от того, которым располагает большинство обычных психоневрологических стационаров: здесь работали санитары с уголовным прошлым, сильно пьющие, и Неля подозревала, что парочка из них – наркоманы. В целом же оставалось лишь удивляться, как Ракитину, при недостаточном государственном финансировании, удается поддерживать вверенное ему учреждение в приличном состоянии.

– Но мы отвлеклись, – вернулся к прерванной теме главный. – Вы у нас всего неделю, а уже проявили себя как настоящий профессионал. Признаюсь, я не испытал большого энтузиазма, узнав, что ранее вы работали в *психолого-консультационном центре*. Понимаете, Нелли Аркадьевна, не то чтобы я не доверял подобным клиникам, но все же это, согласитесь, скорее работа для клинического психолога, а не психиатра. Впрочем, это лишь мое мнение. Только имя вашего отца заставило меня рассмотреть вашу кандидатуру. Вчерашний случай подтвердил вашу высокую квалификацию. Вы умудрились не только справиться с припадочным пациентом, но и не допустить того, чтобы пострадали другие больные.

– К сожалению, у меня не совсем получилось, – покачала головой Неля. – Один из пациентов получил травму...

– Ерунда – по сравнению с тем, что могло произойти! – перебил Ракитин. – Виновные наказаны: безобразие, что санитары отсутствовали, когда их помощь была необходима!

Неля подозревала, по какой причине они «отсутствовали», но сочла, что Ракитин и сам отлично это знает. Он уезжал в Питер, поэтому работники справедливо решили, что, пока шефа нет, можно хорошенько оттянуться.

– Между прочим, мне помогала Аня, – заметила Неля.

– Я в курсе, – кивнул Ракитин. – Она молодая, но профессиональная медсестра. Думаю, мы найдем способ поощрить ее.

– Рома тоже оказался на высоте, – добавила Неля, не желая, чтобы мужественного медбрата обошли вниманием.

– И Рому не обидим. Но героиня дня у нас вы, Нелли Аркадьевна! Я искренне вам благодарен за своевременные и правильные действия. Надеюсь на долгое и плодотворное сотрудничество.

Неля невольно отметила, что последние два предложения являлись невероятно заезженной калькой, какую обычно используют руководители разных уровней, когда им приходится благодарить подчиненных за заслуги. Лучше бы Ракитин от этого воздержался!

– Сами-то как, освоились уже? – неожиданно спросил он. Это уже был нормальный человеческий вопрос, и Неля снова подумала, что еще рано составлять устойчивое мнение о новом шефе.

– Осваиваюсь, – осторожно ответила она.

– Ну и хорошо. Работы много, зато и интересных случаев хватает – будет что добавить к диссертации для достоверности.

Он и о диссертации знает? Значит, наводил справки. Дядя Илья прав: абы кто в «Синюю Горку» не попадает. Что удивительно, ведь работа, как справедливо заметил сам Ракитин, тяжелая, а зарплата до смешного мала.

Тем временем главврач, поковырявшись в горе папок, лежащих на столе, вытащил две и бросил перед Нелей со словами:

– Вот, подарочек вам!

– Что это?

– Два интересных случая, шизофрения и магифрения. Вы же этим интересуетесь, верно? Неля кивнула.

– Дамы милые, приятные, особенно в периоды ремиссии. И обе здесь не впервые, с постоянной, так сказать, пропиской.

– А почему вы передаете их мне? – удивилась девушка. – Кто занимался ими раньше?

– А-а, вы же не в курсе... Была у нас одна доктор, Мария Евграфовна Лычко.

– Она что, уволилась?

– По семейным обстоятельствам. Я решил, что вы лучше всех справитесь с данными случаями. Возможно, они пойдут на пользу вашей диссертации: нам бы не помешало иметь в своей среде доктора наук!

Сказать ему, что она не намерена становиться *доктором наук*? Пожалуй, не стоит. Вместо этого Неля просто поблагодарила Ракитина.

– Не за что. Вы хотели о чем-то спросить?

А он чуток! Неля давно думала, как бы задать интересующий ее вопрос.

– Честно говоря, да. Это насчет пациента, который пострадал в результате припадка Шлыкова.

– А что такое?

Неле показалось, что вопрос главному неприятен.

– Что у него за диагноз? Извините, но он в таком состоянии...

– У этого больного острый психоз, Нелли Аркадьевна. То, что продемонстрировал давеча Шлыков, цветочки по сравнению с выкрутасами Незнанова!

Странная фамилия, пришло в голову Неле: похожа на те, что дают воспитанникам детских домов. Незнанов, Незвестный, Потерянцев... Хотя и в обычной жизни каких только фамилий не встречается!

– Он буйный? – поинтересовалась она.

– Более того, склонен к суициду: может, вы заметили шрамы на его руках? У Незнанова тяжелая история, но здесь он – всего лишь больной человек, поэтому и относиться к нему нужно как к любому другому, то есть с жалостью, сочувствием и профессионализмом. Вы меня понимаете?

– Он опасен? – уточнила Неля.

– Под действием соответствующих препаратов даже Чикатило был бы не опаснее трехлетнего младенца, – хмыкнул Ракитин. – Не берите в голову, Нелли Аркадьевна, у вас и так есть, чем заняться!

Последние слова главного означали, что разговор окончен. Неля попрощалась и вышла из кабинета, прихватив с собой две новые истории болезни.

* * *

Первый прием новых пациенток прошел неплохо – учитывая, что они вынужденно сменили врача. Обычно больные плохо относятся к переменам, поэтому Неля ожидала проблем. К счастью, не подтвердилось: похоже, она понравилась обоим женщинам. Одну из них, Диану Вишневскую, привели сыновья-близнецы. Они явились и на первый прием у нового доктора, чтобы поддержать мать.

Диана страдала магифреническим синдромом – иными словами, психическим расстройством, при котором в мышлении начинают преобладать идеи магического содержания. Неля действительно вплотную занималась этим интересным явлением, приобретающим все большую массовость. Многие психиатры до сих пор выражают сомнения в том, что данное заболевание имеет смысл выделять в отдельную категорию на основании содержания болезненных идей, а не клинко-психопатологических признаков, однако сама Неля считала это полезным для социальной психиатрии. На непатологическом уровне магическое мышление имеет характер стойкого заблуждения, но на клиническом магифрения становится психопатией и приобретает характер сверхценных идей, которые трудно поддаются коррекции. Неля прочла историю болезни до встречи с пациенткой. Поначалу никто и не понял, что с Дианой что-то не так. Все началось с визита к «колдунье». Подруга, увлекавшаяся оккультизмом, однажды предложила женщине сходить на сеанс вместе. Диана недавно вышла на пенсию, сыновья отлично ее обеспечивали, и она маялась от скуки. Но даже подруга не ожидала, что встреча с «колдуньей» произведет на Диану такое сильное впечатление. «Колдунья» наговорила ей с три короба о том, сколько, оказывается, болезней гнездится в теле ничего не подозревающей об их существовании Дианы и что необходимо серьезно бороться с ее «ухудшающимся» состоянием, если она не хочет в ближайшие месяцы оказаться прикованной к больничной койке. С того самого дня Диана жила по рекомендациям, данным «колдуньей». Последняя посоветовала «компетентного» астролога, и женщина ничего не делала, предварительно не посоветовавшись с ним. У нее развилось болезненное отношение к здоровью, проявляющееся в самоизнурении странными диетами, физическими и психическими тренировками, имеющими, по мнению любого здравомыслящего человека, совершенно иррациональное основание. За несколько месяцев Диана, пытающаяся навязать свой новый образ существования окружающим, растеряла всех друзей и знакомых (кстати, одной из первых ушла именно та женщина, которая и свела Диану с «колдуньей»). Медленно, но неуклонно она выпадала из нормальной жизни. Денег, что дети давали в достатке, стало катастрофически не хватать. Сыновья заинтересовались этим странным фактом, и Диана впервые попала в стационар. Тамошние порядки напугали и мать, и детей, и тогда им порекомендовали «Синюю Горку».

– Мама считает, что обычная, *человеческая* еда ее убивает, доктор! – жаловался Ефим. – Она выкидывает продукты, которые мы покупаем, и питается сырой крупой и овощами, говоря, что так она лучше «слышит Вселенную», представляете?! У нее есть какой-то дурацкий астрологический календарь, и каждый раз перед выходом на улицу она вычерчивает «паранормальные кривые», решая, какая опасность может грозить ей сегодня! А еще она выбросила телевизор – совершенно новый, я сам покупал, – объяснив это тем, что он создает в квартире «неблагоприятный фон»!

– Ваша мама регулярно принимает прописанные препараты? – спросила Неля.

– Первые несколько месяцев после выписки – да, но мы с братом не имеем возможности контролировать ее постоянно, ведь у нас свои семьи! С течением времени она начинает пропускать приемы. Лекарства покупаю я, и вот, представьте себе, в последний раз открываю шкафчик для медикаментов, а он полон неизрасходованных таблеток – там целые залежи, как у белки в дупле! Мы поняли, что пора снова в «Горку», иначе мама что-нибудь сотворит...

В прошлый раз она раздолбала мусоропровод и накинута на соседа, посчитав, что он «одержим демонами»! А видели бы вы ее квартиру: все разрисовано пентаграммами и «тайными» знаками – хоть попа вызывай!

Неле Диана показалась интеллигентной женщиной, благожелательной и даже рассудительной – до тех пор, пока речь не заходила о магии и «чудесах». Судя по всему, диагноз поставлен правильно, и Диана пожизненно останется пациенткой «Синей Горки», с периодами ремиссии, во время которых она будет казаться абсолютно здоровым человеком. Без контроля, какой присутствует в клинике, больные перестают принимать лекарства, и болезнь возвращается. Медикаменты делают пациентов пассивными, они чувствуют усталость и отсутствие энергии, а потому решают, что уже «достаточно поправились», чтобы отказаться от пилуль. В этом-то и состоит их главная ошибка.

Лариса Овчинникова, в отличие от Дианы, пришла сама. Она жила вместе со взрослой дочерью и ее детьми и, что встречается крайне редко, осознавала, что больна. В ее истории болезни предыдущая врач пометила в выписке: «F 20. 04», что означало неполную ремиссию. Когда-то Лариса являлась ведущим сотрудником аналитического отдела комитета Государственной думы по региональной политике, но попала под сокращение – скорее всего, причиной явилось неадекватное поведение. Ее дочь сказала, что во время очередного обострения мать, едва услышав по телевизору выступление кого-нибудь из политиков или политаналитиков, начинала утверждать, что у нее украли идею, что она говорила и писала об этом еще десять лет назад, и в подтверждение собственных слов кидалась к полкам с бумагами в поисках доказательств. Тогда-то и начиналось «самое страшное». Бесперывно бормоча проклятия и ругательства себе под нос, Овчинникова переворачивала квартиру вверх дном. Не найдя желаемого, она начинала обвинять домашних в том, что они намеренно уничтожили «доказательства», и устраивала истерику. Потом она просила прощения, но через короткое время все начиналось по новой. А еще Лариса бесперывно писала в различные инстанции по поводу всевозможных «нарушений»: не там поставили машину соседи, плохо убирается двор, дети слишком громко шумят на детской площадке, в мусоропроводе застревает мусор, по телевизору чересчур много передач с сексуальным подтекстом и так далее. Каждый день мать ходила на почту, отправляя кипы писем, и злилась, получая отписки или вовсе оставаясь без ответа. В последнее время дочь, устав от материнских эскапад и жалеючи собственных детей-подростков, вынужденных жить под одной крышей с тяжелобольным человеком, пригрозила матери отселением. Лариса испугалась, что, оставшись одна в квартире, лишится семьи, ведь дочь и внуки вряд ли захотят часто ее навещать и только вздохнут с облегчением, избавившись от беспокойной родственницы.

... В начале третьего решила выйти покурить на крыльцо. «Синяя Горка» располагалась в живописном месте. Окруженная со всех сторон холмами, она примостилась на самом высоком из них, представляя собой отличный наблюдательный пункт: окрестности просматривались как на ладони. С наслаждением затянувшись, Неля облокотилась о витые чугунные перила.

– Ай-ай-ай, доктор, а как же всеобщая борьба с курением? – услышала она голос за спиной и обернулась. Перед ней стоял Георгий Назаренко, или просто Гоша, врач в «Синей Горке». Он был примерно возраста Нели, поэтому и стал одним из первых, с кем она познакомилась.

– Я практически на улице, – возразила Неля. – По-моему, никому не мешает?

– Мне – уж точно нет, – усмехнулся Гоша и тоже вытащил пачку сигарет. – Значит, ты у нас теперь героиня?

– Ордена мне пока не дали.

– Дадут, дадут, – ухмыльнулся он. – Догонят – и еще дадут! Ты особо уши-то не развешивай: Ракитин – мужик непростой, он только мягко стелет... Чем меньше ему на глаза попадаешься, тем лучше себя чувствуешь – поверь человеку с опытом.

– Ты давно здесь? – поинтересовалась Неля.

– Пять лет.

– И как оно?

– Ну, как видишь, пока не уволился, – широко улыбнулся Гоша, показав большие и желтые, как у молодого коня, зубы. – Тут неплохо, если поменьше сталкиваться с начальством. Тихо, спокойно, не то что в городе!

– Все хочу спросить, почему лечебница называется «Синей Горкой»?

– Говорят, если летом встать ни свет ни заря, часов в пять, и поймать первые лучи восходящего солнца, то вон те холмы, – он махнул рукой, указывая направление, – окрашиваются в голубой цвет. Но я, как ты понимаешь, так рано не поднимаюсь!

– А что здесь было до клиники? Здание-то вроде старинное.

– Верно. До войны тут располагалась государственная дача какого-то генерала. Вокруг леса до сих пор сохранились, а в те времена он возил сюда «нужных» людей на охоту и рыбалку. Потом его осудили за злоупотребления, дачу оттяпали, и сюда въехала наша психушка... А до революции, поговаривают, здесь жила в изоляции жена одного помещика.

– В изоляции?

– Она, кажись, была не в своем уме. Муженек поселил ее тут под присмотром слуг. Местные рассказывают, что женщина, одетая в черное, до сих пор бродит в парке в сумерках.

– А почему в черное?

– Потому что она посчитала себя вдовой, когда муж от нее отказался. Так что, как видишь, наследственность у «Синей Горки» самая что ни на есть подходящая!

– И что с ней случилось, с женой помещика?

– Понятия не имею. А что?

– Больно уж история романтическая... А что ты знаешь о пациенте по имени Александр Незнанов?

– А что с ним?

– Это ты мне скажи.

– Больной как больной... Он вообще-то Ракитинский пациент, в наблюдательной палате лежит. Поэтому я тебе искренне советую не совать нос: главный не любит, когда кто-то интересуется его вотчиной!

– Да что здесь такого?

– Ну, ты как знаешь – я тебя предупредил.

С этими словами Гоша загасил сигарету о перила, на которых в этом месте уже образовался нестираемый серый налет (видимо, за пять лет пребывания в «Горке» Гоша поступал так каждый раз), и удалился. Неля осталась на крыльце, не понимая, с чего это Назаренко неожиданно скомкал разговор.

* * *

Неля не знала, радоваться ей или огорчаться. Она до сих пор не выяснила ничего, о чем просил дядя Илья, зато в «Синей Горке» к ней неожиданно вернулось утерянное вдохновение, и она вновь взялась за заброшенную диссертацию. На Нелин критический взгляд, ей не хватало достоверности. Требовалось больше «клиники», а в тех условиях, в которых она работала раньше, это не представлялось возможным. При соответствующей поддержке со стороны некоторых членов ученого совета, которую легко могли обеспечить дядя Илья и ее подруга Валя, ученый секретарь, и такая диссертация прошла бы на ура. Но Неле не хотелось пользоваться привилегиями. Как и предсказывал Ракитин, в двух новых пациентках Неля нашла то, чего ей не доставало.

Все шло необыкновенно удачно, но ее беспокоила одна мысль – о пациенте, лицо которого показалось ей странно знакомым. Она все спрашивала себя, как такое возможно: в кругу

ее общения там, «на воле», не было никого, кто страдал бы психическими заболеваниями. И все же что-то не давало ей отвлечься от размышлений об Александре Незнанове. В конце недели Аня потихоньку всунула ей в руку белый конверт.

– Вот, – сказала она тихо, – это от начальства.

– От начальства? – удивилась Неля. Конверт оказался не запечатан. Раскрыв его, она увидела внутри четыре новенькие пятитысячные купюры.

– Что это? – удивленно подняла она глаза на медсестру.

– Не удивляйтесь, – махнула рукой Аня, – мы все тут так живем! Родственники некоторых пациентов спонсируют наше заведение – *неофициально*. Ракитин делится с персоналом – сообразно вкладу и квалификации каждого, естественно.

Так вот почему Гоша здесь задержался! Молодому специалисту маленькой зарплаты в «Синей Горке» хватать не могло, и все же он казался всем довольным. Вот как, значит, Ракитин «поощряет» работников? Интересно, какие еще нарушения скрывает его запертый кабинет?

Неля засунула конверт в карман: раз уж она здесь засланный «казачок», то и жить должна по местным правилам. Вряд ли кто-то из обитателей «Горки» отказывался от прибавки к скудной зарплате – и ей не следует.

– Аня, – обратилась она к девушке, – я хочу кое-что у тебя спросить.

– Конечно, Неля Аркадьевна, – с готовностью кивнула медсестра. – Что вас интересует?

– Один больной – помнишь, тот, которого Шлыков с коляски сбросил.

– А-а... Он – пациент главного, вы не знали?

– Назаренко сказал. И еще сказал, что Ракитин не любит, когда обсуждают его больных.

– Это правда.

– Понимаешь, уж больно он в плохом состоянии – практически овощ, как его окрестил Шлыков!

– А вы у Ракитина спрашивали?

– Он не пожелал удовлетворить мое любопытство, намекнул только, что Незнанов опасен.

– Опасен? – переспросила Аня, наморщив лоб. – Странно, он такой тихий, сидит себе в своем кресле, смотрит в одну точку... Отделение для буйных у нас в дальнем корпусе, там работает моя приятельница, Татьяна Шепелева. Если хотите, я у нее поинтересуюсь.

– Поинтересуюсь, будь добра, – попросила Неля.

– С другой стороны, – задумчиво проговорила медсестра, – если бы ваш Незнанов был буйным, его бы в общую рекреацию не поместили, так?

– В том-то и дело, – согласилась Неля. – Однако парень накачан таблетками по самое не горюй, и это выглядит странным, ты не думаешь? Как будто они ему даются вместо завтрака, обеда и ужина! Хорошо бы, кстати, выяснить, что он принимает...

– Даже не думайте! – испуганно замотала головой медсестра. – Ракитину это не понравится, особенно если Незнанов один из «спонсорских» пациентов. Те, чьи родственники платят, обычно отправляются к главному.

– Поня-а-а-тно, – протянула Неля. – Кстати, ты сказала, что недавно работаешь. А твоя подруга, эта...

– Татьяна? Она тут уже три года. Это она меня сюда из «Скворечника»² перетащила: сказала, зарплата маленькая, зато имеются ежемесячные «бонусы» из личного фонда главврача. Не обманула!

Что ж, решила Неля, надо познакомиться с приятельницей Ани: возможно, она прольет свет на судьбу пациентов, упомянутых дядей Ильей?

² Скворечник – в просторечии клиника имени Скворцова-Степанова.

* * *

Работа в «Синей Горке» оказалась сродни учебе в интернате: с понедельника по пятницу медперсонал жил при клинике, а на выходные все, кроме дежурных врачей, отправлялись по домам. Исключение составляли завхоз дядя Боря, по совместительству исполняющий обязанности садовника, тетя Клепа, старшая из санитарок, да пяток иногородних санитаров, которым просто-напросто некуда податься. Главный выделил им подсобное помещение на территории клиники, переоборудованное под общежитие. Сам Ракитин жил в Питере. Ходили слухи, что у него роскошный пентхаус в элитном районе, дача в Осельках и, если верить больничному «радио», дом на Кипре. Всего в ведении персонала «Синей Горки» находились двести восемьдесят пациентов, четверть из которых именовались «буйными». Как и говорила Анюта, их отделение располагалось в отдельно стоящем корпусе комплекса, и заведовал им Олег Петрович Гурзо – неулыбчивый мужчина в очках, часто проходивший по коридорам больницы, не здороваясь, будто не замечая коллег. Неля побывала в «буйном» отделении всего однажды и прекрасно понимала Гурзо: главное на такой должности – не сойти с ума, уподобившись собственным подопечным!

Обо всем этом и многом другом Неля рассказала Любавину. Они сидели в кондитерской на Петроградской стороне. Час был ранний, и посетителей, помимо них, было кот наплакал.

– Значит, Ракитин гребет деньги лопатой? – задумчиво пробормотал профессор, помешивая ложечкой свой капучино. Неля заметила, что ложечка слишком маленькая: в заведениях общепита они почему-то никогда не соответствуют размерам чашек – либо чересчур велики, либо малы. – Принимает, так сказать, *взносы* от родственников?

– Наверное, они платят за хорошие условия, – предположила Неля. – Ясно же, что в обычные психбольницы попадают люди, до которых никому нет дела – бомжи, алкоголики и просто одинокие.

– Ну да, – кивнул Любавин, – а еще те, чьи так называемые «родственники» поспешили сбыть их с глаз долой!

– «Синяя Горка», можно сказать, элитная лечебница, – заметила Неля. – Условия более чем сносные, больные хорошо питаются, есть огромный парк для прогулок, а также оранжерея.

– То есть тебе там нравится? – уточнил Любавин.

– Я давно не получала такого удовольствия от работы. И диссертация, между прочим, пошла! Только...

– Что – только?

– Мне немного не по себе, потому что я до сих пор не сумела выяснить того, что вы мне поручили!

– Ничего, – улыбнулся профессор, – я ведь и сам ни в чем не уверен.

– Есть у меня одна ниточка, – добавила Неля, чтобы хоть чем-то порадовать крестного. – Попробую размотать ее на следующей неделе. Одна медсестричка работает в отделении для буйно помешанных. Она давно в «Горке» и, вероятно, кое-что знает.

– Тебя что-то беспокоит? – задал вопрос Любавин. Хорошо зная крестницу, он даже по выражению ее лица и глаз мог сделать определенные выводы.

– Это не имеет отношения к делу.

– И все-таки? – настаивал крестный.

– Есть один пациент...

– Твой пациент?

– Нет, главврача.

– Тогда забудь об этом: не сердь человека, который может помешать выполнить твою главную задачу.

– Но я и не собиралась этого делать! – возразила Неля. – Просто мне как психиатру интересно знать, что за диагноз поставлен парню, раз его по самое горло накачивают таблетками. Неужели нет других вариантов? Он не похож на человека с измененным типом личности, но этот остекленевший взгляд...

– Ты ведь не только как специалист интересуешься, есть что-то еще?

Неля задумчиво пожевала губу.

– Есть одна вещь. Понимаете, дядя Илья, мне кажется, что я знаю этого человека!

– В самом деле? – приподнял брови профессор. – Тебе *кажется*?

– Ну, я не уверена, но... Странно, как будто я его видела, но очень давно.

Любавин покачал головой.

– Не знаю, не знаю, стоит ли тебе в это влезать?

Придя домой после встречи с крестным, Неля обнаружила на автоответчике запись звонка Вали Грозной с просьбой с ней связаться. Валя работала секретарем ученого совета. Они вместе заканчивали Первый мед, но Валентина подалась в науку, а Неля – в практику. Интересно, что ей могло понадобиться? Они давненько не общались, и Валя не знала, что Неля сменила место работы. Только Неля собралась набрать номер подруги, как зазвонил сотовый.

– Нелли Аркадьевна? – услышала она голос в трубке. – Это Паратов. Следователь Паратов, – тут же уточнил говорящий. Неприятный холодок пробежал по ее позвоночнику при воспоминании об их первой встрече. Неле казалось, что она сообщила по делу Ольги все, что могла, зачем же он звонит?

– Я недалеко от вас, – продолжал следователь. – Могу я зайти?

Неле захотелось соврать, что она не дома, но ей не удалось быстро придумать место, куда Паратову нелегко было бы добраться. Ничего не оставалось, как согласиться. Звонок в дверь раздался через пару минут: это означало, что Паратов и в самом деле находился поблизости и, скорее всего, видел ее входящей в подъезд.

На этот раз следователь выглядел иначе, чем в прошлый раз. Одетый в серый деловой костюм и белоснежную рубашку, Паратов имел импозантный вид, который, в сочетании с привлекательной наружностью, производил приятное впечатление. Несмотря на это и даже на то, что он поприветствовал ее улыбкой, не сулившей неприятностей, Неля не могла отрешиться от причины его визита. Повесив на вешалку куртку, Паратов вслед за Нелей прошел в гостиную.

– Извините за беспорядок, – пробормотала она, – но я в последнее время жила на даче, а потом сразу отправилась на новое место работы...

С приходом незваного гостя девушка заметила то, на что не обращала внимания раньше: толстый слой пыли на полированной мебели, разбросанную повсюду одежду, книги и папки с документами, оставшиеся с прежней работы. Но Паратова, казалось, кавардак совершенно не смущал. Спокойно переложив на стол две стопки лежащих на диване папок, он устроился там. Неля уселась в единственное свободное от вещей кресло.

– Вы нервничаете? – спросил следователь, внимательно разглядывая хозяйку квартиры.

– С чего вы взяли?

– Давайте порассуждаем. Ваши ноги скрещены, руки лежат на коленях, а ладони сжаты в кулаки. Я не психиатр, но психологию на юридическом факультете преподают, и мне известно, что такая поза означает крайнюю степень закрытости.

«Ни дать ни взять профессор из сериала «Обмани меня!», – раздраженно подумала Неля, безуспешно пытаясь изменить положение, чтобы Паратов не смог так легко ее «прочитать».

– Вы неправы, – ответила она, стараясь, чтобы голос ее звучал как можно непринужденнее. – Ольга была моей пациенткой, мне ужасно жаль, что она мертва, и, как следствие, тяжело вспоминать... обо всем.

– Печально, что мой образ ассоциируется у вас с неприятными впечатлениями, – вздохнул следователь. – К сожалению, работа накладывает отрицательный отпечаток на мое общение с людьми. Я должен бы привыкнуть, но это, признаюсь, нелегко.

Они некоторое время помолчали. Он, видимо, собираясь с мыслями, она – пытаясь понять, к чему такая странная прелюдия.

– Я принес вам кое-какие фотографии, – снова заговорил следователь. – Взгляните, не знаете ли вы этих мужчин.

Вытащив из внутреннего кармана пиджака конверт, Паратов извлек оттуда несколько снимков и разложил их на столе. Неля внимательно вгляделась в лица изображенных на них людей. Она медленно взяла в руки три фото со словами:

– Вот этих не знаю, никогда не видела.

– Что ж, отложим их в сторону. А другие?

– Ну, эти двое – пациенты. Один – мой, Павел Крюков. Второй – не помню чей, но кого-то из коллег: мы иногда сталкивались в общей приемной... Вы сняли данные с камер наблюдения?

Он кивнул.

– Это – наши специалисты, – добавила она, указывая на три оставшихся фотографии. – Думаю, вы это и без меня выяснили.

– Просто хотел удостовериться. А что вы можете сказать вот об этом человеке?

– Как я уже говорила, это мой коллега, Женя Степнов. А что?

– У вас были с ним близкие отношения?

Прямой личный вопрос заставил Нелю отпрянуть от неожиданности.

– Почему вас это интересует?

– Меня, Нелли Аркадьевна, интересует каждый, кто так или иначе связан с вами или убитой.

– То есть теперь вы *уверены*, что Ольгу убили?

– Абсолютно. И, скорее всего, сделал это тот, кто ее хорошо знал. Ольга сама впустила убийцу в квартиру, хорошо его приняла, угостила. А потом он ее убил.

– Вы все время говорите «он» – значит ли это, что речь о мужчине-убийце?

– Необязательно. Женщина спортивного телосложения и достаточно высокая, вроде вас, легко могла бы это проделать.

– То есть я теперь подозреваемая? – уточнила Неля, внутренне сжимаясь в комок. Значит, это не просто визит, а допрос? Что дальше – камера предварительного заключения?

– Что вы, нет, конечно, – усмехнулся Паратов уголком рта. Его синие глаза при этом оставались непроницаемыми. – Будь вы подозреваемой, я не стал бы приходить, а прислал бы за вами наряд.

– Какое облегчение! – скривилась Неля.

– Вы не ответили на мой вопрос, – заметил Паратов. – О ваших отношениях...

– Я отлично помню, о чем вы спрашивали, – перебила она. – Если вам так важен ответ, то да – мы с Евгением Степновым встречались.

– *Встречались*, – с нажимом повторил следователь. – То есть больше не встречаетесь?

– Вы удивительно проницательны! – фыркнула Неля. – Только мне непонятно, к чему эти вопросы?

– Почему вы расстались? – словно не слыша последней реплики, поинтересовался следователь.

– Ну, знаете! – ее возмущению не было предела.

– У вас много общего, вы работали в одном месте – что же привело к разрыву?

– Не было никакого разрыва! – воскликнула Неля. – Просто мы поняли, что не подходим друг другу. Мы слишком похожи, оба хотим доминировать и не желаем идти на компромиссы.

Это плохо сказывается на отношениях. А еще, как выяснилось, кроме работы, нам и поговорить-то не о чем!

– А как же романтика? – удивленно изогнул бровь Паратов. – Любовь?

– Любовью там и не пахло. А романтика... Второе невозможно без первого, по-моему.

– Ольга Касаткина была в курсе ваших прошлых отношений?

– Да с какой стати-то?! – изумилась Неля. – Она была моей пациенткой, а не подругой, поэтому ничего не знала о моей личной жизни!

– Ваши коллеги сообщили мне, что вы частенько принимали пациентов на дому.

– Не я одна так поступаю: иногда, когда они звонят в неурочные часы, если не представляется возможным решить вопрос по телефону, приходится приглашать их к себе.

– Значит, это – обычная практика?

– Вообще-то не рекомендуется слишком сближаться с пациентами, а допуск в личное пространство врача определенно стирает границы, но Ольге иногда требовалась срочная помощь, когда внезапно накатывал приступ депрессии, особенно в начале терапии, и у меня не было выхода.

– То есть она была вхожа в ваш дом, – констатировал Паратов. – Она понимала, что не является единственной пациенткой, к которой у вас *особое* отношение?

– Это не *особое* отношение! – начала терять терпение Неля.

– Но вы ведь не станете отрицать, что пациенты порой привязываются к врачу, особенно – к психиатру? Им требуется поддержка, внимание, сочувствие близкого человека. Не имея такового, немудрено, что они обращают свои надежды к единственному, кто, как им кажется, принимает в них участие.

«Ах ты, психолог хренов!» – едва не высказалась вслух Неля. Паратов и при первой встрече не показался ей дураком, но теперь он демонстрировал навыки, которые она считала привилегией своей профессии.

– Послушайте, Иван Арнольдович, – стараясь казаться спокойной, произнесла она, – я хотела бы знать, зачем вы задаете мне эти вопросы. Если бы Ольга кого-то убила, я бы поняла, но ведь убили ее, так? Как визиты в мой дом могут быть связаны с ее насильственной смертью?

– Пока не знаю, – честно ответил Паратов. – Я лишь разрабатываю Ольгины связи с разными людьми.

– А тех мужчин, – кивнула Неля в сторону отложенных снимков, – вы мне просто так показали, для количества?

– Ну почему же? К сожалению, два из них – всего лишь композиционные портреты, составленные со слов соседей и знакомых Ольги: они видели ее в компании этих людей. Что же касается последнего, – следователь взял в руки единственный настоящий снимок из тех, что Неля не сумела опознать, – то это – коллега Касаткиной, с которым у нее были трения.

– С предыдущей работы, наверное? – догадалась Неля.

– Она вам рассказывала?

– Был один мужчина, Роман, кажется. Фамилии не знаю. В общем, еще на старом месте он метил на Ольгину должность. Она отлично справлялась со своими обязанностями, но этот самый Роман, по ее словам, «подсигивал» Ольгу.

– Это способствовало ее депрессии?

– В немалой степени. Хотя, конечно, проблема была гораздо шире.

– А Ольга не рассказывала о каких-либо открытых столкновениях с этим самым Романом?

– Не припомню.

– Ну, спасибо вам, Нелли Аркадьевна, за содержательную беседу, – сказал Паратов, сметая фотографии со стола в конверт. – Как вам на новом месте?

Неля не ожидала, что разговор продолжится, поэтому помедлила с ответом.

– В целом, неплохо, – произнесла она наконец. – Интересно.

– А в «Парацельсе» интересно не было?

– Вы как будто все время пытаетесь поймать меня на слове, Иван Арнольдович, – устало заметила Неля. – Я ничего подобного не говорила! В консультационном центре специфика работы иная, нежели в психиатрической клинике.

– Случаи потяжелее небось?

– И это тоже. Да и тот факт, что пять дней в неделю мы проводим там безвылазно, вносит свою лепту.

Она уже собиралась встать, показывая Паратову, что пора бы ему удалиться, однако он сам поднялся на ноги и откланялся. Следовательно исчез из квартиры так быстро, что Неля и опомниться не успела.

Валентине она позвонить забыла.

* * *

Тетя Клепа, или Клеопатра Вадимовна Неппер, работала в «Синей Горке» с незапамятных времен. Она «пережила» двух главных врачей, несчетное количество завоёванных отделений и старших медсестер. Тетя Клепа была санитаркой, и за пятьдесят лет через ее руки прошли сотни пациентов. Она знала каждый кирпич в кладке «Горки», и даже Ракитин не решался вступать в конфронтацию с тетей Клепой, хотя она давно перешагнула пенсионный возраст, и он с легкостью мог бы избавиться от нее на законных основаниях. Пожилая дама характер имела вздорный, не позволяя ни медсестрам, ни врачам оспаривать ее главенство в том, что касалось ее непосредственной работы. Пообщавшись с ней подольше, любой неизменно приходил к выводу, что она самовольно расширила эти рамки, однако персонал лечебницы предпочитал с ней не связываться. Тетю Клепу ценили за два основных качества: доскональное знание территории (никто не проникал так глубоко в сердце «Горки») и неподдельную любовь к пациентам. Тетя Клепа действительно считала их *душевнобольными*, а потому жалела и немедленно вставляла фитиль любому, в чьем обращении с этими людьми проскальзывали признаки неподобающего отношения. Сама она ласково называла больных «нашими психами», подкармливала домашними пирожками, а также брила и причесывала тех, кто, по разным причинам, был неспособен сделать это сам. Должности «старшей санитарки» в лечебнице не предусматривалось, но, если бы таковая имелась, тетя Клепа, несомненно, ее и занимала.

О тете Клепе Нелю предупредила Анюта.

– Ой, вы лучше ее обходите, – сказала она, когда пожилая женщина, проходя мимо, бросила на молодых женщин неодобрительный взгляд. – Она вообще-то незлая, но любит крепкое словцо и не уважает никакие авторитеты: даже Ракитин по стеночке ходит, когда тетя Клепа рядом!

Неля не собиралась сторониться какой-то там санитарки: в конце концов, она – врач, кандидат наук, и позволять тете Клепе руководить собой в ее планы не входило! Однако им пришлось познакомиться поближе при совершенно неожиданных обстоятельствах. Как-то раз, войдя в комнату отдыха, Неля увидела Александра Незнанова. Это случилось впервые с тех пор, как здесь произошел инцидент со Шлыковым. Шлыков уже два дня был на месте, тихий и молчаливый, а вот Незнанов не появлялся с того самого времени. На взгляд Нели, изменений в его состоянии не произошло: все тот же остекленевший взгляд и безвольная поза. Но в этот раз Незнанов был в компании тети Клепы. Стоя над ним, она аккуратно расчесывала спутанные длинные волосы щеткой, что-то ласково бормоча себе под нос. Женщина отличалась малым ростом, поэтому, даже когда она стояла, ее глаза находились вровень с затылком сидящего. Неля воровато огляделась: поблизости не было ни одного врача. Два санитара дулись в карты, сидя за тем же длинным столом, что и пациенты, играющие в нарды.

– Как его порез? – поинтересовалась она, подходя к тете Клепе.

Та подозрительно окинула девушку взглядом водянистых голубых глаз.

– Это вы, что ли, Шлыкова скрутили? – вместо ответа задала она вопрос.

– Нет, Шлыкова *скрутил* Рома, а я только...

– Ладно-ладно, знаем! – отмахнулась санитарка, не выпуская щетки из рук. Повернув голову безучастного больного правой стороной к Неле, она указала на длинный порез.

– Вот, – сказала она сердито, – шрам останется как пить дать – такую мордашку испортили!

С аккуратно зачесанными назад волосами и коротко подстриженной бородой Незнанов выглядел лучше, чем тогда. Если, конечно, не считать ничего не выражающего взгляда и слишком бледной кожи.

– Его на улицу вывозят? – спросила Неля.

– Да кто ж его вывезет? – пожала плечами санитарка. – И Ракитин не одобрит: у него к этому пареньку особое отношение.

– Он что, его родственник?

Вместо ответа тетя Клепа громко фыркнула и вернулась к своему занятию. Неля поняла, что разговор окончен, и решила не искушать судьбу – похоже, первый «контакт» с суровой санитаркой прошел неплохо!

До обеда Неля занималась тем, что расписывала назначения для новых пациентов. Она решила заменить некоторые нейролептики, предварительно просмотрев все, что хранилось на складе.

Медперсонал питался отдельно, но их столовую от столовой для больных отделяла всего лишь арка, через которую и те, и другие могли беспрепятственно наблюдать друг за другом. Такая планировка помещения позволяла медикам в случае непредвиденной ситуации немедленно вмешаться. Неля знала, что в «буйном» крыле дела с питанием обстоят иначе, да и вообще – все по-другому из соображений безопасности. К примеру, у буйнопомешанных практически отсутствует женский медицинский персонал. Большинство функций, включая уборку, выполняют здоровенные санитары, способные одной левой справиться с самым агрессивным больным. Неле казалось, что заведующий «буйным» отделением, как и его подручные, напоминают охранников лагеря для особо опасных преступников. Все они держались особняком.

Неля оторвалась от своих размышлений, когда к ней подседа Аня с подносом.

Тарелка, до краев наполненная супом, пюре с парой свиных котлет, три пирожка, компот из свежих фруктов и две баночки йогурта на десерт. Как субтильное тельце Ани вместило такое количество еды?!

– Я договорилась с Танькой, – сообщила девушка, деловито раскладывая еду на столе. – В пять часов у нее смена заканчивается.

– Спасибо, Аня!

– Да не за что, – отмахнулась медсестра, принимаясь за суп. – Она всегда рада поболтать.

Татьяна назначила встречу в самой глубине сада, у больничной ограды. Там, среди сплетавшихся ветками кустов, до которых не дошли заботливые руки дяди Бори, был старинный фонтан – наверное, еще тех времен, когда в усадьбе содержалась душевнобольная жена помещика, о которой рассказывал Гоша. Фонтан давно не работал, и серый гранит в форме гигантской вазы казался сюрреалистическим предметом с картины Сальвадора Дали. Усевшись на край пустой чаши, Неля приготовилась ждать.

Татьяна появилась двадцать минут спустя. Ростом выше Нели, широкая в плечах, грудастая, с сильными руками и ногами, она выглядела бы мужеподобной, не венчай всю эту телесную «роскошь» одна из самых хорошеньких головок, какие только Неля видела в жизни. Татьяна обладала чистым лбом, темными бровями вразлет, из-под которых бодро глядели на мир глаза цвета морской волны. Скульптурные черты лица могли бы принадлежать статуе

какой-нибудь древнеримской богини. На молодой женщине ловко сидел короткий белый халатик, а на ногах красовались кроссовки размера этак сорок второго.

– Это вы – Нелли Аркадьевна? – поинтересовалась она, хотя и так было очевидно, что никто иной не стал бы прятаться в таком месте.

– Анюта сказала, что вы все знаете о пациентах «буйного» отделения? – вместо ответа спросила Неля.

– Вы же вроде с нашими психами никаким боком не соприкасаетесь!

– Видите ли, Таня, я тут человек новый, но, кроме вашей подруги, пока что близко ни с кем не сошлась...

– И не сойдетесь! – перебила Татьяна, присаживаясь рядом. – Народ здесь – себе на уме, и все предпочитают держать друг друга на расстоянии.

– Почему?

– Ну, во-первых, специфика работы не располагает к болтовне – особенно на нашем отделении! Во-вторых, каждый норовит коллеге в карман заглянуть. Вы ведь в курсе, что Ракитин выдает премии за хорошую работу?

– Да, – согласилась Неля. – Я сама уже имела удовольствие получить.

– Надбавки достаются всем, но их размер зависит от того, насколько вами доволен главный. Естественно, не все согласны с тем, как распределяются «блага» среди персонала, поэтому... Но вы ведь не об этом пришли поговорить, верно?

– Это тоже весьма занимательно, однако вы правы. Меня интересует конкретный пациент.

– Из «буйных»?

– Ракитин, во всяком случае, так сказал, он – его больной.

– Странно.

– Почему?

– Да потому, что главный буйных не ведет. Он, видите ли, мараться не любит. Занимается только «платниками», да и сложных не берет – не барское это дело!

Нелю удивило, что Татьяна свободно и откровенно говорит о таких вещах, будто совершенно не опасаясь, что ее слова дойдут до начальства.

– Вы, наверное, удивляетесь, что у меня язык без костей? – словно догадавшись о невысказанном вопросе собеседницы, ухмыльнулась медсестра.

– Честно говоря...

– Я бы поглядела, как Ракитин без меня справится! Он страшно боится, что «буйный» медперсонал разбежится, поэтому нам перепадает больше, чем другим. Знаете, сколько нас?

– Сколько?

– Десять человек – на все отделение!

– Но как же вы справляетесь? – искренне удивилась Неля. – Ведь контингент-то непростой!

– Справляемся, справляемся, – закивала Татьяна. – Нелегко, конечно, но можно. Персонал недоукомплектован, и каждый человек на счету. Так о ком конкретно вы хотели поговорить?

– Об Александре Незнанове.

– О Незнанове? – наморщила гладкий лоб девушка. – Понятия не имею, кто это!

– В самом деле? – расстроилась Неля.

– А с чего вы взяли, что этот Незнанов из наших?

– Понимаете, меня удивило угнетенное состояние пациента, которое, судя по всему, вызвано влиянием сильнодействующих препаратов. Ракитин пояснил, что сделано это из-за того, что пациент буйный и может причинить вред как себе, так и окружающим.

– Ничего не понимаю! – развела руками медсестра. – Ни одному из наших пациентов нет хода в основное крыло: они все за толстыми решетками и под неусыпным надзором. Там есть маньяки, убийцы, которых по суду признали невменяемыми... Но почему же такой больной не изолирован от других?

– Может, потому что он, как вы сказали, «платник»? – предположила Неля.

– Что ж, возможно. Если, к примеру, родичи *дают* лично главному, то он, вероятно, предпочитает держать парня у себя на глазах, накачивая его, от греха подальше, седативными препаратами?

Неля задумалась. Как же узнать, кто такой Незнанов? Но не следовало забывать и о поручении дяди Ильи.

– Таня, скажите, а в «Синей Горке» часто умирают пациенты?

– Умирают? – переспросила девушка. – Ну, как сказать – они ведь не в своем уме... Случается, кто-то в окно выпрыгнет или повесится по недосмотру... И несчастные случаи иногда происходят. Вот, к примеру, несколько месяцев назад. Привезли к нам паренька, а буквально через пару дней его в ванне нашли утопшим.

– Разве здесь есть ванны? – удивилась Неля. – Я думала, только душевые!

– В ванне для процедур, – пояснила Татьяна. – Врач на минутку отошла. Он не был буйным и вел себя адекватно.

– Расследование проводилось?

– Да какое расследование, не смешите меня! – поморщилась медсестра. – Мы же в психушке – если по каждому случаю расследование проводить, ментов не напасешься! Конечно, полицию Ракитин обязан был вызвать, но они только факт смерти зафиксировали, сказали, что врач не виновата в халатности, так как у пациента не было склонности к самоубийству. Происшедшее признали несчастным случаем, и все на этом закончилось.

Похоже, дядя Илья прав: чудные дела творятся в «Синей Горке»! Вот только как проникнуть в ее тайны, если все, кроме Анюты и Татьяны, держатся особняком и не намерены делиться секретами?

Вечером Неля снова зашла в общую комнату отдыха. Большинство пациентов после ужина разбрелись по палатам, но кое-кто еще смотрел телевизор (почему-то без звука) или играл в настольные игры. Незнанов все так же сидел в своем кресле. Неля собиралась к нему подойти, когда вдруг услышала тихие звуки музыки. В дальнем углу рекреации стоял большой рояль. Увидев его впервые, Неля решила, что инструмент находится здесь «для интерьера»: кто-то ведь должен ухаживать за ним, время от времени настраивать и как минимум уметь играть! Оказалось, что свои функции рояль все-таки выполняет. За ним сидел не кто иной, как печально известный пациент Шлыков. Он легко перебирал клавиши, и нежные звуки Рапсодии на тему Паганини Рахманинова постепенно наполняли помещение. Играл Шлыков как любитель (Неля могла судить об этом достаточно профессионально), но вполне сносно – в особенности с учетом того, что в больничных стенах Неля вряд ли могла ожидать услышать классику, исполняемую «вживую»!

Случайно бросив взгляд в сторону Незнанова, Неля заметила, что его руки, безвольно лежавшие на подлокотниках, внезапно пришли в движение. Длинные пальцы зашевелились, будто перебирая то ли невидимые клавиши, то ли... струны? Почему ей пришло в голову, что это могли быть *струны*? Сейчас лицо Незнанова было обращено в профиль, и его широкий лоб, прямой нос и четко очерченная линия губ ярко контрастировали с темнотой ноябрьского вечера за окном. Музыка и лицо пациента наложились друг на друга, как отдельные части детской головоломки, и тут словно молния пронзила мозг Нели. Мысль казалась невероятной, и в то же время она проливала свет на ощущение, которое мучило девушку с тех самых пор, как она впервые увидела Незнанова.

* * *

– Ты? – удивилась мама, открывая дверь. – А чего не позвонила? Я бы пирожков...

– Ма, ну куда мне пирожки? – рассмеялась она, чмокая женщину в щеку. – Хочешь, чтобы я в дверь не влезла?

– По-моему, тебе это не грозит, – отозвалась мать, критически разглядывая стройную фигуру дочери. Неля пошла в отца. В то время как Нина Игнатьевна была невысокой и пухленькой, Неля вымахала почти до ста восьмидесяти сантиметров, да и лицом походила на покойного батюшку. Только глаза у нее материнские, темно-карие, с ярко выраженным желтым ободком. «Тигриные» глаза, как говаривал Аркадий.

– Ты чего прискакала-то, ночь-полночь? – поинтересовалась Нина Игнатьевна, понимая, что в такой час дочь просто так не заявила бы.

– Ты не рада меня видеть? – притворно обиделась девушка.

– Я всегда рада, но ты ведь вроде в будни на работе?

Лицо матери приняло озабоченное выражение.

– Ма, ничего не случилось, – поспешила заверить Неля. – Ты еще хранишь старые вещи – те, что раньше в папином шкафу лежали?

На самом деле «папиным» шкаф являлся лишь номинально – отцу принадлежало от силы две полки. Как же мало осталось от человека, который был хозяином квартиры! Кабинет у него имелся только на даче, да и то маленький и тесный, а здесь папа обычно проводил время на кухне, откуда беспрерывно доносился стук печатной машинки (он не признавал компьютера).

– Ну, вспомнила! – всплеснула руками мать. – Это ведь твой папа, как Плюшкин из «Мертвых душ» Гоголя, ничего не выбрасывал, а я как раз недавно в его шкафу прибирала, да все и повывбрасывала!

Отец умер четыре года назад, а мама только сейчас решила притронуться к его вещам. Раньше Неля порадовалась бы этому обстоятельству, но теперь ее постигло глубокое разочарование – она надеялась, что пришла не напрасно!

– А чего ты хотела-то? – поинтересовалась Нина Игнатьевна, входя в гостиную вслед за дочерью.

– Да программки старые...

– Так тебе программки театральные нужны? – перебила мать. – Они еще там. А зачем?

– Долго рассказывать, – бросила Неля, сбрасывая тапки и залезая на кресло, стоящее рядом со шкафом: если мать ничего не переставляла, то коробка с программками должна стоять на верхней полке.

– Но ты все-таки расскажи, – потребовала Нина Игнатьевна, присаживаясь на подлокотник другого кресла и с любопытством глядя на дочь, стоящую на одной ноге, поджав другую, словно большая цапля. – Странно, что ты заинтересовалась этим старьем!

– Расскажу, расскажу... – пробормотала Неля, на шаривая рукой то, что нужно. Коробка из-под фена стояла на том же месте, где она и надеялась ее обнаружить.

Спустившись, она аккуратно поставила коробку на пол. Мать взяла первое, что лежало сверху, и прочла вслух:

– «БДТ», «Зинкина квартира»... Надо же, почти двадцать лет назад!

– Да, давненько, – согласилась Неля. – Знаешь, с тех пор, как выросла, я, наверное, в театре всего-то пару раз была! С другой стороны, весь репертуар мы тогда с тобой пересмотрели, а новые спектакли не так уж и хороши.

– Не скажи! – покачала головой Нина Игнатьевна. Она до сих пор не пропускала ни одной премьеры – после смерти супруга театр остался ее единственной отдушиной. – Тебе что-то конкретное нужно?

- Помнишь, ты потащила меня в филармонию на концерт скрипача-вундеркинда?
- А-а, что-то припоминаю... Это когда мы с отцом пытались заставить тебя не бросать уроки фортепьяно?
- Так ты сделала это, чтобы я продолжала занятия?!
- Мать тихо рассмеялась.
- Ну, получилось же? Ты закончила-таки музыкальную школу!
- Только вот великой пианистки из меня не вышло, – ухмыльнулась Неля. – Что ни говори, а помимо чугунного зада, необходима хотя бы искра таланта, которого у меня, увы, не было и в помине!
- Ты с тех пор хоть раз за рояль садилась?
- Пару раз.
- Между прочим, у тебя неплохо получалось!
- Ключевое слово – «неплохо», ма. В своем деле надо быть лучшим или хотя бы одним из лучших.
- Так тебе та самая программка нужна? – уточнила мать, роясь в бумагах. – Она вроде даже подписана: ты тогда подошла к тому мальчику и попросила автограф.
- Думаю, я была не первой, кто это сделал: дети «индиго» рано привыкают к славе.
- Ну, не скажи – он так на тебя смотрел...
- Мам, ему тогда сколько, лет двенадцать было?
- Наверное. А ты была чуть постарше... Господи, неужели помнишь? Это ведь сколько лет!
- Нашла! – взвизгнула между тем Неля, сжимая в руках заветную программку. – Вот, Максим Рошин, скрипач... Фото нет, какая жалость!
- Да зачем тебе фото? С тех пор двадцать лет прошло. Даже если бы ты встретила этого парнишку, все равно не узнала бы!
- Не факт, не факт, – едва слышно проговорила Неля, вертя в руках программку. Действительно, узнать во взрослом мужчине мальчика практически невозможно, но Неля была уверена, что не ошиблась. Она отлично помнила тот вечер, когда подошла к сцене с букетиком чахлах гвоздик и, запинаясь на каждом слове, попросила у юного гения автограф. Издали он казался серьезным и очень важным, потому что музыканты из оркестра вели себя с ним как с равным. Однако, едва высокая, нескладная девочка пролепетала свою просьбу, лицо мальчика осветила широкая улыбка, и он, спросив ее имя, размашистым почерком накорябал: «Неле от Максима на добрую память!» Неля обратила внимание на его глаза – темно-зеленые, как болотная вода. Редкий цвет, но не его, а выражение этих глаз она запомнила. Они смотрели сосредоточенно и в то же время мечтательно, словно их обладатель еще не вышел из образа и растерялся, неожиданно обнаружив, что находится в окружении восхищенных слушателей.
- Я все-таки не пойму, зачем тебе понадобилась старая программка, – сказала Нина Игнатьевна. – Что за таинственность?
- Да какая таинственность, мам, – передернула плечами девушка. – Кстати, ты не в курсе, этот Максим Рошин еще концертирует? Или вырос и забросил свою скрипку?
- Не знаю. Частенько вундеркинды, вырастая, обнаруживают, что интерес к ним падает. Вот, к примеру, Робертино Лоретти, помнишь такого?
- Это который «Джамайку» пел?
- Он самый.
- Неля поднялась на ноги и отряхнула джинсы. Сделала она это скорее машинально, нежели по необходимости: на полу в их старой квартире, как и в детстве, не было ни пылинки.
- Ну я, пожалуй, пойду, – сказала она. – Завтра рано вставать!
- Уже уходишь? – расстроилась Нина Игнатьевна. – Но ты так и не объяснила...

– Да нечего пока объяснять, мам, – тряхнула головой Неля. – Сначала мне надо кое-что выяснить. А потом, обещаю, ты станешь первой, кому я расскажу... Если, конечно, будет, что рассказывать!

Дома, едва сбросив пальто и сапоги, она бросилась к компьютеру и набрала в «поиске» имя: «Максим Рощин». Первая же выскочившая статья кричала: «Знаменитый солист погибает в автомобильной аварии!»

– Не может быть! – прошептала Неля и стала смотреть дальше. Еще одна заметка говорила о том, что скрипач внезапно исчез с музыкального олимпа на пике славы. Писали, что он попал в аварию и потерял способность двигаться. Также муссировались слухи о том, что он якобы покончил с собой. Неля до конца не дочитала: ее внимание привлекла фотография, вставленная в одну статью. Глядя на светловолосого мужчину в джинсах и рваной футболке, с прижатой к подбородку скрипкой и широкой улыбкой на узком, удлинённом лице, она поняла, что была права: пациент доктора Ракитина являлся не кем иным, как Максимом Рощиным, когда-то вундеркиндом, а всего пару лет назад – взрослым, известным музыкантом.

– Что же с тобой случилось, Максим Рощин? – пробормотала Неля, откидываясь назад в компьютерном кресле, не отводя глаз от экрана. – Как ты попал в «Синюю Горку»?

* * *

Неля оказалась в оранжерее впервые. Ее привела сюда необходимость получить ключи от одного из подсобных помещений. Неле нечасто приходилось сталкиваться с дядей Борей. Тот постоянно был занят: сгребая с дорожек опавшую листву, подрезая кусты и деревья, подметая «площадку для выгула», как с легкой руки тети Клепы все называли небольшое пространство перед фасадом главного здания. Оранжерея поглощала все остальное время дяди Бори. Он занимался ею не по требованию администрации, а по собственному почину, для души. Неля знала, что, когда сорок лет назад дядя Боря пришел сюда, оранжерея представляла собой жалкое зрелище. Стекланный купол был разбит и зиял черными дырами, пол раздолбали вандалы, внутреннюю кирпичную кладку растащили аборигены из близлежащего поселка. Единственным, что осталось нетронутым, были деревянные кадки для крупных растений (сами растения давно засохли или погибли от зимних холодов.) Дядя Боря не просто восстановил оранжерею в ее первоначальной красоте – он внес изменения, которые и не снились бывшим хозяевам усадьбы. Руки у него росли откуда надо, да и с выдумкой было все в порядке. Дядя Боря читал с трудом, но в книгах по садоводству много картинок, и он легко ориентировался по ним, день за днем кропотливо работая над своим детищем, иногда прося кого-то из сотрудников объяснить ему, что написано на той или иной странице. Результат стоил усилий: вряд ли где-то еще, за исключением ботанических садов, произрастало такое разнообразие растительности.

– А вы, значит, новая докторша? – уточнил дядя Боря, с интересом глядя на Нелю снизу вверх.

Неля кивнула, с не меньшим интересом разглядывая то, что ее окружало.

– Красиво у вас тут, – заметила она. Это был не просто комплимент – она действительно так думала. Дяде Боре польстила искренняя оценка его труда.

– Вот, жду, когда созреют ананасы, – сказал он, показывая рукой то ли на высокую траву, то ли на низкий куст.

– А будут ананасы – правда? – широко раскрыла глаза Неля.

– Точно будут, – ухмыльнулся дядя Боря почти беззубым ртом. – Я все по книжке сделал!

Несмотря на явное дружелюбие по отношению к госте, садовник не приглашал ее внутрь, держа в дверях. Неля сообщила о цели визита, и он удалился в подсобку, одновременно являвшуюся котельной. Перед дверью старик оглянулся, словно боясь, не покинула ли Неля место, на котором топталась. Когда дядя Боря скрылся за дверью, она пошла между кадками с

цитрусовыми и споткнулась о большое ведро. Оно перевернулось, и часть содержимого высыпалась на дорожку. Выскочивший на звук дядя Боря выглядел взволнованным. Подбежав, он ловко поставил ведро на место, с укоризной глядя на Нелю.

– Извините, – пробормотала она, хоть и не понимала, чем могла вызвать недовольство хозяина – подумаешь, ведро!

– Бывает, – сквозь зубы проговорил старик.

Неля отряхнула брюки.

– Что это? – спросила она, разглядывая испачканные чем-то серым пальцы. – Пепел как будто?

– Зола, – буркнул дядя Боря. – Нету лучше удобрения! Вот ключи. – Весь вид дяди Бори говорил о том, что присутствие Нели в оранжерее более нежелательно.

Выйдя на улицу, она обернулась и увидела через стекло, как старик пересыпает золу из ведра в мешок. Интересно, с чего это он так всполошился? Совершенно очевидно, ему не хотелось, чтобы кто-то бродил по оранжерее – неужели считает ее только своей собственностью?

* * *

Тетя Римма, давняя мамина приятельница, проработала на центральном питерском канале больше тридцати лет и была единственным человеком, у кого Неля могла надеяться получить интересующие ее сведения.

– Неля? – удивилась тетя Римма. – Давненько тебя не слышала! Наверное, с похорон отца не виделись?

– Да, тетя Рим, так и есть. Я вообще-то по делу...

– Да я уж поняла: разве вы, молодежь, просто так позвоните стариков поведать?

– Ладно, тетя Рим – какая вы старуха-то?!

– Ну, говори, что тебе от меня понадобилось? Хорошо, что я еще могу быть кому-то полезной!

– Вы случайно не помните такого Макса Рощина?

– Ты скрипача Рощина имеешь в виду, что ли?

– Да-да, его! – обрадовалась Неля.

– Так он же вроде умер?

– Вы уверены?

– Ну, я точно не знаю... Рощин куда-то пропал, ходили слухи, что он то ли повесился, то ли вены порезал.

– Тетя Рим, а вы не знаете кого-то, с кем я могла бы поговорить о Рощине?

– Он и его группа несколько раз давали интервью на нашем канале, и где-то должны сохраниться их телефоны. А с чего тебе вдруг приспичило?

– Пока не могу сказать, – виноватым голосом ответила девушка. – Но мне очень, очень нужно, правда!

– Хорошо, поищу, – пообещала тетя Римма.

Дело шло к вечеру, и обязанности Нели на сегодня были закончены. Проходя мимо комнаты отдыха, она притормозила. Девушка заметила обоих сыновей Дианы Вишневской и порадовалась тому, что они не оставляют мать в тяжелой ситуации. Диана выглядела спокойной и даже веселой, и Неля подумала, что, возможно, ей удастся убедить женщину регулярно принимать лекарства, если подобрать более или менее щадящие медикаменты.

Но Неля остановилась у комнаты отдыха не потому, что увидела Диану с сыновьями. Ее внимание привлекла другая женщина – крупная блондинка с модной стрижкой. И привлекла она Нелю потому, что сидела на корточках рядом с креслом Александра Незнанова. Или все-таки Макса Рощина? Она все еще сомневалась. Несколько человек сказали ей, что Рощин умер,

так почему же она отказывается верить? В конце концов, она даже не знакома со скрипачом – разве можно считать знакомством единственную встречу много лет назад? Ну и что, что при звуках музыки у него возникли самопроизвольные движения пальцев, напоминающие игру на скрипке – сокращения мышц могли вызвать принимаемые им препараты, а Неля отчего-то вдруг решила, что узнала в пациенте знаменитость!

Блондинка держала Незнанова за руку. Он, как обычно, не реагировал, тупо глядя в одну точку. Кто эта женщина – жена? Вряд ли, слишком очевидна разница в возрасте. Но не достаточная для того, чтобы она могла быть его матерью. Стоящая рядом с коляской тетя Клепа что-то рассказывала незнакомке, а та внимательно слушала. Внезапно блондинка поднялась на ноги, и Неля увидела, что она очень высокого роста – особенно это бросалось в глаза рядом с тетей Клепой. Запустив руку в сумочку, женщина извлекла оттуда белый конверт и сунула в руку санитарки. Та ловко опустила подношение в карман халата одной рукой, другой одновременно успокаивающе похлопывая блондинку по локтю. Бросив последний взгляд на неподвижно сидящего пациента, незнакомка быстро пошла к выходу, едва не столкнувшись с Нелей.

– Ох, простите! – пробормотала женщина, мельком взглянув на ту, кого чуть не сбила с ног, и поспешила прочь.

Неля вошла в помещение. Тетя Клепа повернула голову и вздрогнула, словно застигнутый врасплох воришка. Неля решила воспользоваться ситуацией.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.